Из записных книжек 1865—1905

Марк Твен

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В записных книжках Марк Твен часто не похож на себя, вернее, на тот образ, который остается в памяти тех, кто прочли «Тома Сойера» подростками и больше не возвращались к книгам американского прозаика. Том — автобиографический герой, повесть о нем возвращает к идиллическим временам детства, прошедшего на Миссисипи. По крайней мере, они казались идиллическими Твену по мере того, как уходили все дальше и дальше в прошлое. И по мере того, как менялся он сам, с неизбежностью утрачивая свой жизнерадостный взгляд на окружающий мир.

Эти книги были написаны в конце 1870-х годов. Тогда же Твен впервые посетил родные места после разлуки почти в двадцать лет. Был поражен тем, что все переменилось: течением размыло острова вроде того, на котором наслаждалась вольной жизнью компания Тома Сойера, притворившись утопленниками, а в городке его детства Ганнибале время как будто вообще остановилось. Записные книжки, если читать их одну за другой в хронологической последовательности, очень ясно дают почувствовать, как под давлением приобретенного их автором нового знания о мире слабело его природное жизнелюбие и усиливались совсем другие настроения.

Твен до самого конца отстаивал ценности реальные и верил, что для этого смех незаменим. Об этом тоже есть несколько ставших знаменитыми строк в записных книжках: «Ни одно божество, ни одна религия не выдерживает насмешки. Церковь, аристократия, монархия, живущие надувательством, встретившись с насмешкой лицом к лицу, — умирают».

- «…вся эта нелепая смехотворная канитель»
- 1865
- 1866
- 1867
- 1877
- 1879
- 1882
- 1883
- 1888
- 1890–1891
- 1892[56]
- 1895
- 1896

- 1897
- 1898
- 1899
- 1902
- 1904
- 1905
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37

- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81

«…вся эта нелепая смехотворная канитель»

В записных книжках Марк Твен часто не похож на себя, вернее, на тот образ, который остается в памяти тех, кто прочли «Тома Сойера» подростками и больше не возвращались к книгам американского прозаика. Для них Твен — один из самых солнечных писателей в мировой литературе, непоколебимый оптимист, романтик, до седых волос сохранивший доверие к жизни, которым так щедро наделен его любимый герой. И так же, как он, обладающий уникальным даром весело, а при случае издевательски расправляться с любым лицемерием и притворством.

Том — автобиографический герой, повесть о нем возвращает к идиллическим временам детства, прошедшего на Миссисипи. По крайней мере, они казались идиллическими Твену по мере того, как уходили все дальше и дальше в прошлое. И по мере того, как менялся он сам, с неизбежностью утрачивая свой жизнерадостный взгляд на окружающий мир.

Эти перемены отчетливо запечатлелись и в записных книжках, которые он, всегда ощущавший себя скорее газетчиком, чем художником по своему истинному призванию, вел с юности. Еще с той поры, когда лоцманом плавал до Нового Орлеана и обратно вверх до Мемфиса, занося сведения о стремнинах, отмелях, затонувших и неподнятых пароходах. Исправных лоций не было, и каждый из коллег Сэмюела Клеменса, еще не ставшего Марком Твеном, обходился собственными наблюдениями. Он тогда, конечно, не подозревал, что эти старые блокноты окажутся бесценными, когда возникнет замысел главных его книг: «Тома Сойера», «Жизни на Миссисипи» и «Гекльберри Финна».

Эти книги были написаны в конце 1870-х годов. Тогда же Твен впервые посетил родные места после разлуки почти в двадцать лет. Был поражен тем, что все переменилось: течением размыло острова вроде того, на котором наслаждалась вольной жизнью компания Тома Сойера, притворившись утопленниками, а в городке его детства Ганнибале время как будто вообще остановилось. Но довольно было увидеть лужу, с незапамятных времен плескавшуюся на знакомом углу, и слезы брызнули из глаз. Такое происходило с несентиментальным Твеном довольно часто. Есть признание, записанное одним из друзей: «Сколько ни ездил по миру, нигде не встретились те, кого я прежде не встречал на реке». Эти зеленые, залитые солнцем прибрежные

долины и река шириной в несколько километров, за которой начиналась прерия, почти безлюдная в годы его детства, для Твена были родной стихией и готовым художественным образом. Были метафорой американского раздолья, неубывающей многоликости мира, самой жизни с ее могучей энергией и поэзией движения, не останавливающегося ни на минуту.

Наверное, оттого, что эта метафора для Твена настолько органична, резким диссонансом покажется запись в рабочем блокноте, где намечен план завершения жизненной истории Тома и Гека. О том, чтобы вернуться к своим любимым персонажам, Твен думал много раз и дважды принимался за этот замысел, однако обе повести («Том Сойер за границей», «Том Сойер — сыщик») не получились, и это естественно: герои остались теми же, что в детстве, но жизнь менялась, и они начинали выглядеть искусственными. План, набросанный в записной книжке 1890 года, резко ломает тональность, порой еще дававшую себя ощутить даже в «Гекльберри Финне», хотя там есть трагические эпизоды. Теперь Твену приходит в голову мысль изобразить двух своих мальчишек из Ганнибала в старости. Они после долгих скитаний возвращаются домой: «Вспоминают старое время. Оба разбиты, отчаялись, жизнь не удалась. Все, что они любили, все, что считали прекрасным, ничего этого уже нет».

План не был реализован, осталась только страничка в блокноте. Но о пропасти, которая лежит между писателем, в сорок лет придумывающим веселые приключения Тома Сойера с его неразлучным Геком, и автором, пятнадцать лет спустя решившим закончить историю на такой вот ноте, эта запись говорит с необычайной выразительностью.

Существует много объяснений той перемены, которая произошла с Твеном, растратившим оптимизм и под старость с презрением говорившим про «эту жалкую жизнь, бессмысленную вселенную… всю эту нелепую смехотворную канитель». Писали о том, как тяжело воспринял Твен перерождение американских идеалов, которые не привели к рождению общества равноправия и справедливости, а только стали камуфляжем для «позолоченного века», как сам Твен называл свое время неслыханной коррупции и растущих имперских амбиций. Писали о его атеизме, который под старость привел к ощущению духовного вакуума и сознанию бессмыслицы жизни, которым Твен ничего не мог противопоставить. Писали о перенесенных им жизненных катастрофах: о разорении из-за того, что все средства были вложены в несостоятельный коммерческий проект, связанный с внедрением нового печатного станка, о смерти жены и дочери, о глубоком одиночестве в последние годы, о его

мистической вере, что он умрет с появлением кометы Галлея, которое случается раз в 75 лет (так и вышло: комета висела в небе и в год его рождения, и в апреле 1910-го, когда он умер).

Есть своя обоснованность во всех этих объяснениях: биографических, исторических, социологических. Но есть, конечно, и какие-то сокровенные причины, о которых Твен не говорит даже в записных книжках и в автобиографии, которую он диктовал на склоне дней. Стоит, наверное, еще раз задуматься о давно подмеченном историками литературы загадочном явлении: очень часто корифеи смеха оканчивают свой век мизантропами, готовыми вслед Твену обвинить в жестокости и низости весь человеческий род. Свифт, Гоголь или, в наш век, Зощенко — не слишком ли частый случай, чтобы не заподозрить, что смех по самой своей природе не может не обнажать потаенные и, как правило, далеко не лестные для человечества стороны жизненного опыта? Заглянувшим в эти бездны оказывается особенно тяжело сохранить взвешенный, объективный, многомерный взгляд на действительность, да и на человеческую природу. У Твена, во всяком случае, это не получилось.

Записные книжки, если читать их одну за другой в хронологической последовательности, очень ясно дают почувствовать, как под давлением приобретенного их автором нового знания о мире слабело его природное жизнелюбие и усиливались совсем другие настроения. До самого последнего времени прочитать их все, однако, было возможно только в твеновском архиве в Беркли, штат Калифорния: публикации, начатые изданием 1935 года, подготовленным биографом писателя А.Пейном, оставались неполными. Доступного обычному читателю полного издания нет и по сей день, да оно едва ли и появится, так как в сорока с лишним блокнотах, куда на протяжении более полувека вносились самые разнообразные заметки, много такого материала, который интересен только исследователям. Кое-что пропало совсем — записи, делавшиеся не в блокнотах, а на отдельных листках и часто уничтожавшиеся Твеном. Ему, похоже, самому иногда делалось страшно от посещавших его мрачных мыслей. Он ведь и автобиографию, где есть такие же безотрадные размышления, не доверял бумаге: Пейн, состоявший у него секретарем, включал только что изобретенный фонограф, а потом прятал нерасшифрованные диктовки в банковском сейфе.

Все это, впрочем, относится только к двум последним десятилетиям жизни Твена. На Миссисипи и потом в Неваде, где острое перо журналиста местной «Территориал энтерпрайз» принесло ему обожание рядовых подписчиков и ненависть

изобличенных проходимцев, Твен был другим: насмешливым, лукавым, обожающим розыгрыши, причем довольно жестокие (вроде оповещения читателей о кошмарном случае с другим корреспондентом газеты, якобы упавшим с лошади и оставшимся калекой, хотя на самом деле тот просто уехал в отпуск). Он и позднее, уже в годы, к которым относятся самые резкие записи, иной раз позволял себе то подшучивать над Ноем, придумавшим «крайне бестолковое сооружение», именуемое ковчегом, то определять истинные масштабы прогресса (верней, регресса) тем, что шестьдесят лет назад слова «оптимист» и «дурак» еще не были синонимами. Не предназначая свои записные книжки для печати, он все же иногда вносил несколько штрихов, по которым будущие читатели смогли бы себе представить, какой мощный комический талант дала Твену природа, — даже если бы об этом таланте им пришлось судить только по заготовкам и наброскам, заполняющим блокноты.

Вот запись 1883 года, первый очерк сюжета, который известен всем, знающим один из шедевров Твена — «Янки при дворе короля Артура», роман, законченный им шесть лет спустя. Твен вообразил себя, человека просвещенного девятнадцатого столетия, перенесенным на тысячу двести лет назад, в легендарные времена рыцарей Круглого стола. Этот прыжок назад во времени он представил не умозрительно, но совершенно реально, со множеством бытовых подробностей: только так могло заработать его воображение. Но когда оно получало для себя пищу, остановить буйную фантазию Твена было невозможно. Одна комическая деталь рождается за другою — это как снежный ком, несущийся с горы. Из-за лат все время чешется тело, но руки скованы, движения неуклюжи, да еще нет карманов, а значит, не воспользуешься платком, если насморк. Грохот при каждом движении. На солнце — как на ростере, в мороз — как в рефрижераторе. А вдруг прямиком в броню угодит молния?

Твена, главным образом, и помнят по такого рода бурлескным страницам, по этим феериям смеха, непревзойденным мастером которых он остается вот уже более столетия. При этом, однако, не так часто вспоминают, что тот же «Янки» — книга, в общем и целом, не столько смешная, сколько печальная или, по меньшей мере, элегическая. Американец-механик Хэнк Морган, волей автора перенесенный в патриархальную эпоху, когда понятия не имели ни об электричестве, ни о прочих чудесах современной техники, вволю натешится своим могуществом среди невежественных и беспомощных рыцарей, однако, вернувшись в свою благоустроенную среду, вдруг почувствует, что ее преимущества,

казавшиеся такими очевидными, на самом деле относительны. Что-то очень существенное этой прогрессивной эпохой утрачено — может быть, романтика, хотя у Твена она всегда вызывала скептическое отношение, а может быть, сознание небесцельности бытия, в котором рыцарям, искавшим чашу Грааля, не отказывал даже Твен при всем его неприятии христианской доктрины. Так или иначе, комедийное буйство увенчано философским размышлением, позволяющим ощутить настоящую — и для Твена все менее и менее внушающую энтузиазм — природу вещей на земле.

В записных книжках впервые намечены основные мотивы этого размышления, которое с ходом времени все более плотно заполняет собой твеновское творчество. Оно не перестало быть достоянием искусства смеха, просто сам смех Твена менялся, постепенно утрачивая ту ноту ничем не омраченной радости, которая так выделялась в раннюю пору. В каком-то смысле это была утрата, но в каком-то, напротив, приобретение, потому что качество смеха стало другим: теперь он заставлял задумываться о вещах невеселых, но, вероятно, самых существенных — об истинных и ложных ценностях человеческой жизни. Твен до самого конца отстаивал ценности реальные и верил, что для этого смех незаменим. Об этом тоже есть несколько ставших знаменитыми строк в записных книжках: «Ни одно божество, ни одна религия не выдерживает насмешки. Церковь, аристократия, монархия, живущие надувательством, встретившись с насмешкой лицом к лицу, — умирают».

Алексей Зверев

1865

Во Французском ресторане в Ангеле[1] каждый божий день фасоль и кофе на завтрак и на обед; кофе жидкий, мерзкий на вкус. Джим Гиллис сказал официанту: «Вы ошиблись, я заказал кофе, а это позавчерашние помои»[2].

22 января

Счастливо спасся. Темная дождливая ночь. Я подошел к самому краю обрыва. Скала в тридцать футов. Стоял на краю обрыва пять или шесть секунд, раздумывая, шагать ли еще; потом услышал, как вода падает вниз в ущелье. К этому времени попривык к темноте и понял, что если бы шагнул чуть пошире, то был бы уже на дне пропасти.

23 января

Поселок Ангел. Дождь, буря. Во Французском ресторане фасоль и помои на завтрак, помои и фасоль на обед, на ужин то и другое в разогретом виде.

24-го

Весь день льет дождь. Кормят по-прежнему.

25-го

То же.

26-го

Дождь, фасоль и помои. Для разнообразия — бифштекс. Пытался отгрызть кусок — без успеха.

27-го

Тот же рацион, та же погода; ходил на нашу заявку, обратно пришлось бежать.

28-го

Дождь и ветер круглые сутки. Фасоль и помои три раза в день. Прибавилось какое-то месиво, которое француз именует «рагу». К черту такое рагу!

29-го

Все по-прежнему. Погоду мы должны терпеть хочешь не хочешь, но фасоль и помои терпеть не обязаны. Так утверждает Джим Гиллис. О господи!

30-го

Перебрались в новый, только что открывшийся трактир. Приличная еда и кофе, который честный христианин может пить, не обрекая себя на вечные муки. Сегодня приехал Дик Стокер[3] из Таттлетауна в Туолумне.

Кольман и его скачущая лягушка[4]. Поспорил с незнакомцем на 50 долларов. У незнакомца не было своей лягушки, и Кольман

ушел на поиски.

Пока он ходил, незнакомец наполнил лягушку К. дробью, и она не смогла прыгнуть. Лягушка незнакомца выиграла состязание.

3 февраля

Обедали у француза, чтобы показать Дику, чем он нас кормит. Заказали «Адское варево», фасоль и помои. Француз готовит четыре супа, которые разрешается заказывать только в торжественных случаях. Они известны его посетителям под следующими названиями: «Адское варево», «Разжижение мозга», «Безумие», «Внезапная гибель». Описать их пером невозможно.

6 февраля

Человек из Сан-Франциско захватил чужой участок; чтобы закрепить за собой владение, построил на нем дом на сваях. Свиньи повадились лазить под дом и хрюкали там по ночам. Хозяин пробуравил дырки в полу, и его жена плеснула на свиней кипятком. Свиньи, стараясь поскорее удрать, стащили на себе дом вниз с холма. Рано утром законный хозяин снова забрал участок.

25 февраля

Джим, Дик и я покинули Ангел и ушли пешком через перевал в Ослиное Ущелье. Была снежная буря, первая в Калифорнии, какую я видел. Вид с горы замечательный.

1866

В море. 9 марта[5]

Прочитал письма из дома, которые следовало прочитать еще в Сан-Франциско. Россказни о нефти на теннессийских землях[6]; опять мой братец со своей ханжеской болтовней о законе и церкви, медлителен и глуп, как всегда; ехать собирается в Эксельсиор, вместо того чтобы ехать в Штаты, шлет мне, как обычно, свои благословения.

Сегодня нашелся старый знакомый. Пока еще не было такого места, где я не нашел бы знакомого.

Громадные пространства Тихого океана. Водяная пустыня. Десять дней не видим земли, не встретили ни одного корабля.

Не упускайте случая делать добро — если это не грозит вам большим ущербом.
Не упускайте случая выпить — ни при каких обстоятельствах.

Ранней пташке — жирный червяк.
Не поддавайтесь на эту приманку.
Я видел человека, который принял поговорку всерьез и встал на рассвете; его укусила лошадь.

14-го. Среда

Отличная погода. Я болен уже два дня, кажется, свинка.

15-го. Четверг

Свинка, свинка, свинка — сегодня это выяснилось окончательно. Проклятая свинка; ею болеют одни только дети. Теперь я завезу на острова новую болезнь и истреблю туземное

население до последнего человека. Так поступали все белые.

Браун стоптал оба сапога с одной стороны — со стороны крена нашего парохода, и с той же стороны ободрал нос. Думаю, он имеет право вчинить иск пароходной компании.

25 июня

29° северной широты[7]. Сегодня вечером испытал неподдельную радость. Впервые за последние шесть лет увидел сумерки. Ни на островах, ни в Калифорнии, ни в Уошо сумерек не бывает.

Священник (обращаясь к капитану, который клянет матросов, бегущих с корабля на стоянках). Не бранитесь, капитан. Этим ведь не поможешь.

Капитан. Вам легко говорить «не бранитесь», но вот послушайте: наберите команду плыть в рай и попробуйте сделать стоянку в аду на какие-нибудь два с половиной часа, просто взять угля, и будь я проклят, если какой-нибудь сукин сын не останется.

27-го. Пятница

Словили двух альбатросов. Оба одного размера — 7 футов и 1 дюйм[8] в размахе крыла. Крепко привязали одному к ноге деревянную чурку и отпустили летать — низкое издевательство «царя природы» над беззащитными птицами. Когда люди делали свое злое дело, птица глядела на них с укором огромными человечьими глазами.

Плотники, строящие ковчег по заказу Ноя, потешаются над ним, считая его старым выдумщиком.

13 августа. Сан-Франциско

И вот я дома. Нет, не дома, снова в тюрьме, — чувство огромной свободы исчезло. Город так тесен, так уныл со своими тревогами, трудом, деловыми заботами. Клянусь, мне хочется снова в море!

Человеку никогда не достичь столь головокружительных вершин мудрости, чтобы его нельзя было провести за нос.

22 декабря. Полночь

Ровная морская гладь, — нет, не ровная, чуть зыблемая тихим бризом; ветер совсем теплый; отвесно торчащие реи, сияет луна, корабль мирно скользит вдоль мексиканского побережья[9]; все спят, только я не сплю. Какая великолепная ночь, теплый ласкающий воздух.

Никто не доставлял мне в путешествии по морю такого удовольствия, как капитан Нэд Уэйкмен[10], осанистый, сердечный, веселый, залихватский старый моряк. Он не пьет и не берет в руки карт, бранится, только прикрыв дверь своей капитанской рубки и если нет посторонних; но тогда взрывы его фантастического богохульства вселяют в слушателя восторг и почтение. Что до его рассказов… Но вот капитан Уэйкмен собственной персоной; он отдувается и в поту, потому что мы идем вдоль южного побережья Мексики и становится жарковато. Вот что он говорит:

— Так, значит, о крысах. Как-то, помню, это было в Гонолулу, мы со стариной Джозефом — он был еврей по национальности; позже разбогател в Сан-Франциско, как Крез, — собрались ехать домой пассажирами на новом, с иголочки, бриге; он шел только в третье плавание. Мы уже были на борту, и наши сундуки в трюме. Джозеф решил непременно плыть вместе со мной — даже пропустил из-за этого один рейс, — потому что был непривычен к морским путешествиям и хотел быть в компании с моряком. Бриг наш покачивался посреди буйков на причальном канате, канат был закреплен на пирсе около дров. И вот с брига лезет преогромнейшая крыса — разрази меня бог, никак не меньше кошки! — мчится по канату и — на берег, а за ней другая, третья, четвертая, и все по канату, галопом, впритирку одна за другой, так что и каната под ними не стало видно; форменная процессия

на двести ярдов вдоль пирса, что твои муравьи. Тут канаки[11] стали хватать поленья, обломки лавы, коралла и швырять в крыс, чтобы сбить их с каната в воду. Вы думаете, это подействовало? Ничуть, ни малейшей чуточки, клянусь спасением души. Крысы не остановились ни на полсекунды, пока не сошли все до одной с этого новехонького нарядного брига. Тогда я подзываю лодку с канаком; канак подходит, лезет на борт.

Я говорю ему:

— Видишь сундук в трюме?

— Вижу.

— А ну тащи его в лодку и — на берег, и чтобы одним духом!

Джозеф, еврей, говорит:

— Что вы задумали, капитан?

А я отвечаю:

— Что я задумал? Забираю сундук на берег, вот что задумал.

— Забираете сундук на берег? Господи боже, зачем?

— Зачем? — говорю я. — Вы видели этих крыс? Вы видели, что крысы ушли с нашего брига? Он обречен, сэр, он обречен. Никакие молитвы его не спасут. Он не вернется из плавания, сэр. Больше его никто никогда не увидит.

Джозеф говорит канаку:

— Эй, забирай и мой сундук тоже.

И вот бриг ушел без крыс на борту, и больше ни одна душа его никогда не видела. Мы отплыли на старой посудине; она прогнила уже до того, что по палубе нужно было ходить на цыпочках, чтобы не провалиться случаем в трюм, а ночью, когда море забушевало, нам было видно с коек, как брусья обшивки гуляют в своих пазах взад-вперед, — это было форменное решето, сэр, а корабельные крысы — ростом с борзую и такие же тощие, они отгрызли все пуговицы у нас с сюртуков, и их было столько, что однажды, когда на нас налетел шквал и они перебежали все сразу на штирборт[12], корабль потерял управление и чуть не пошел ко дну. Так вот, мы доплыли благополучно, а все потому, что на борту были крысы, можете мне поверить!

На пароходе на Сан-Хуан-Ривер человек, стоявший у трапа, сказал: «Разрешается сходить на берег только пассажирам первого класса. Предъявите билет». Это было сказано дерзким тоном. Затем он пропустил множество пассажиров третьего класса, не задавая им никаких вопросов. Хорош, должно быть, вид у меня!

На втором пароходе всех пассажиров первого класса пропустили без единого слова, а меня снова остановили.

Будь проклят во веки веков создатель гнусной крохотной

лампочки, устанавливаемой в пароходных каютах! Это молитва от всей души.

С разрешения капитана держу в каюте безопасный фонарь.

Пароходный писарь трудится над списком для таможенных властей, причем составляет его по своему произволу:

«Мисс Смит, 45 лет, из Ирландии, модистка» (на самом деле это молодая и богатая дама).

«Марк Твен, из Терра дель Фуэго, кабатчик».

1867

Провел день в Севастополе[13]. Печальное зрелище — разрушенные до основания дома, лес разбитых труб. Не насчитал и трех десятков домов, пригодных для жилья, — все их надо отстраивать заново.

Побывал на Редане и на Малаховом. Принес несколько пушечных ядер и другие портативные сувениры.

Множество прелестных молодых дам, англичанок и русских, посетили сегодня пароход и провели у нас вторую половину дня. Восхищались размерами парохода и отличным его оборудованием. Если бы мы могли привезти гостей назад, то пригласили бы их ехать с нами в Одессу. Приятно слышать родную речь.

Некоторые из джентльменов настойчиво советовали нам заехать с визитом к русскому императору, сказали, что нас наверняка великолепно примут; они же заранее телеграфируют ему о нашем приезде и даже пошлют нарочного. Император проводит знойное время года на небольшом приморском курорте, в 30 милях отсюда[14].

По некоторым причинам мы отказались; все, разумеется, очень жалели об этом.

Давно уже мы не проводили день так весело.

Повсюду в стенах отверстия от бомб, некоторые очень аккуратные, словно выбитые каменотесом. Кое-где ядра торчат в стенах, и от них идут ржавые пятна.

Город уничтожен полностью. После ужасной восемнадцатимесячной осады не осталось ни одного неразрушенного строения.

25 августа

Плывем назад в Ялту, чтобы нанести визит российскому императору. Он телеграфировал по этому поводу одесскому

генерал-губернатору. Все улажено, едем.

О боже! Какая поднялась возня! Созываются собрания! Назначаются комитеты! Сдуваются пылинки с фрачных фалд!

«Ваше императорское величество![15]

Мы — горсточка частных граждан Америки, путешествующих единственно ради собственного удовольствия, скромно, как и приличествует людям, не занимающим никакого официального положения, и потому ничто не оправдывает нашего появления перед лицом вашего величества, кроме желания лично выразить признательность властителю государства, которое, по свидетельству доброжелателей и недругов, всегда было верным другом нашего любимого отечества.

Мы не осмелились бы сделать подобного шага, если бы не были уверены, что выраженные нами слова и вызывающие их чувства — только слабый отголосок мыслей и чувств всех наших соотечественников — от зеленых холмов Новой Англии до далеких берегов Тихого океана. Нас немного числом, но наш голос — голос нации в целом!

Одна из ярчайших страниц, украсивших историю всего человечества с той поры, как люди пишут ее, была начертана рукою вашего императорского величества, когда эта рука расторгла узы двадцати миллионов рабов. Американцы особо ценят возможность чествовать государя, совершившего столь великое дело. Мы воспользовались преподанным нам уроком и в настоящее время представляем нацию столь же свободную в действительности, какою она была прежде только по имени. Америка многим обязана России, она состоит должником России во многих отношениях, и в особенности за неизменную дружбу в годины ее испытаний[16]*. С упованием молим бога, чтобы эта дружба продолжалась и на будущие времена. Ни на минуту не сомневаемся, что благодарность России и ее государю живет и будет жить в сердцах американцев. Только безумный может предположить, что Америка когда-либо нарушит верность этой дружбе предумышленно несправедливым словом или поступком.*

(Подписано):

Сэм Л.Клеменс, председатель.

Д.Крокер

А.Н.Сэндфорд члены комитета

Полк. Кинни

Уильям Гибсон

От имени пассажиров американского парохода «Квакер-Сити», капитан К.К.Дункан.

Ялта, Россия, 25 августа 1867 года».

Наконец разделался. Приветственные адреса монархам не моя специальность. Во всяком случае, если адрес получился хуже, чем следовало, вина не только моя, другие члены комитета могли бы помочь, им делать совершенно нечего, а у меня забот полные руки. Без возни с этим адресом я дописал бы корреспонденцию в «Нью-Йорк трибюн» и уже заканчивал бы вторую для Сан-Франциско.

Прием у императора состоится завтра днем в его летнем дворце.

26 августа

Императорские экипажи ждали нас в 11 часов, и в 12 мы были уже во дворце.

Через пять минут вышли император, императрица, великая княжна Мария и маленький великий князь и любезно нас приветствовали.

Одесский консул прочитал наш адрес. Во время чтения царь несколько раз повторил: «Мило, очень мило»; потом сказал: «Спасибо вам, большое спасибо!»

Беседа заняла полчаса, после чего царь и его свита провели нас через дворец; потом показали очаровательный дворец маленького наследника.

Был уже второй час. Великий князь Михаил[17] пригласил нас осмотреть его цветники, парк и дворец и позавтракать у него. Так мы и сделали.

С нами отправились князь Долгорукий и веселый граф Фестетикс, который женится на дочери генерал-губернатора. Также морской министр и много дам и господ, принадлежащих к императорской свите.

Великий князь Михаил — славный парень, а жена его — одна из самых любезных дам в этом любезном обществе. И он и она очень общительны.

Случай в парке и другой во дворцовом дворе, где стоит фонтан и разбиты цветники, а также происшествие у дворцового портика под роскошными кариатидами, копирующими Эрехтейон[18] в Афинах, я никогда не доверю неверной бумаге. Довольно того, что я их запомнил. Всякий, у кого есть чувство юмора, не забудет их никогда.

Вскоре после того, как мы прибыли к великому князю, пришла императрица, с ней великая княжна Мария, а потом и сам император. Он выглядит много величественнее императора Наполеона и в сто раз величественнее турецкого султана. Мы провели здесь почти полдня.

27 августа

На набережной расстелили ковры, и к нам на пароход прибыл генерал-губернатор со своим семейством. Мы салютовали ему девятью пушечными выстрелами.

Бал с шампанским.

28 августа

Вчера вечером отплыли в Константинополь — салют, фейерверк. Прелестная маленькая плутовка, с которой я отплясывал на балу этот фантастический русский танец, не выходит у меня из головы. Ах, почему я не знаю русского языка! Но она поняла, конечно, что я хотел ей сказать на нелепом английском языке, которого не знала она.

Наш визит к императору произвел, как видно, немалое впечатление. Блистательная Порта[19] в сильной тревоге. Это к добру; они только что получили резкую резолюцию Конгресса по поводу восстания на Крите и, быть может, воздержатся теперь от столь же резкого возражения. Быть может, мы даже предотвратили войну — кто знает?

Слава — дым, успех—случайность! Единственное, что надежно здесь на земле, — безвестность[20].

На этом пароходе пили мало; в точности как в Конгрессе: алкоголь запрещен везде, кроме как в совещательных комнатах. Поступает в демиджонах[21], выступает в демагогах.

Представлен генералу Гранту[22]. Я сказал, что счастлив с ним познакомиться, он сказал, что не может похвастаться тем же.

1877

Белейшие и очаровательнейшие трубы на крышах отбрасывают мягкую тень. Это не белизна мрамора, что-то другое, еще белее, ярче, изысканней, — больше всего напоминает белизну сахара. Никаких следов каменной кладки ни на трубах, ни в стенах. Просто большой кусок сахару, вырубленный из цельной сахарной головы; в нем продолбили оконные проемы и закрыли их зелеными жалюзи.

Наш негр заявил, что каждый здесь знает каждого. Вскоре после этого, когда мы выехали за город, Твичел сказал:

— Смотрите, собачонка. По-моему, она потеряла хозяина.

— Собака принадлежит старику Ноксу.

Значит, наш возница знает каждую собаку. Впрочем, это не большая заслуга, собак очень мало. Недостача собак компенсируется изобилием кошек.

Впереди шел человек. Мы сказали вознице:

— Обгоните его.

— Не надо, он сейчас свернет за угол.

Я удивился: почем он знает? Он оказался прав, потому что знал этого человека, знал точно, где он живет. Прохожий свернул за угол[23].

Дома и кровли как белая сахарная глазурь на торте.

Отплыли в 4 часа дня. Судовой доктор твердит, что у него есть верное лекарство от морской болезни. Ходит по палубе и раздает его дамам, повторяя, что средство верное. Тем временем мы приближаемся к рифам.

7 часов вечера. — Все дамы в постели, страдают морской болезнью. Уцелела только жена шотландца.

7 часов 30 минут. — Жена шотландца рухнула.

8 часов вечера. — Доктор перегнулся за поручни и выворачивает себя наизнанку. Вот вам и верное средство.

Политические партии, попрекающие одна другую за взяточничество и проч., когда они стояли у власти, похожи на волка, который, заглянув в хижину к пастухам, евшим ягненка, сказал:

— Ну конечно, когда вы это делаете — всё в порядке; а какой поднялся бы шум, если бы это сделал я!

Старик: «Когда я размышляю о людских страданиях, которые разрывают мне сердце, когда я вспоминаю, что это всего только капля в океане, в необъятной Атлантике горя, на которую каждодневно взирает бог, я негодую на беспечных людей, которые славят бога и не думают о том, что его нужно жалеть».

23 ноября

Эдуард VI и нищий мальчик случайно меняются местами накануне кончины Генриха VIII. Принц в лохмотьях — бедствует, а нищий, ставший принцем, терпит муки дворцовой жизни вплоть до самого дня коронации в Вестминстерском аббатстве, когда все разъясняется[24].

Человек, назначенный надзирателем к умалишенным, по ошибке попадает в дом, где живут совершенно здоровые люди. Дело происходит в Англии, и они называют его «смотрителем», так как уверены, что он — новый смотритель охотничьих угодий, которого им прислали. А тот, кого они ждали, тем временем управляет сумасшедшим домом и находится в большом затруднении.

Эту идею мне дал Дайон Бусико[25], драматург. Советовал разработать.

Разные отделы рая. В каждый — особый вход.

У одного входа встречают кабатчика: артиллерийский салют, сонмы ангелов, великолепное факельное шествие. Он воображает, что ему суждено стать украшением райского общества. Но вот торжества окончились, и он впадает в ничтожество. Что еще обиднее — ему приходится три недели подряд отбывать повинность: день и ночь с факелом в руках орать в честь каких-то подонков, которых он вообще послал бы охотно к черту.

Уэйкмен годы и годы в полной тьме, в пространстве, отделяющем Солнечную систему от многих других.

Славная система правительства, нечего сказать, при которой такого человека, как Р.Г.Дана[26], невозможно утвердить в должности, а в Сенат посылают Джонса, годного разве что на то, чтобы быть тайным ходатаем в уголовном суде, — хороша

система, при которой выдающийся и достойный гражданин не может стать президентом.

Полюбуйтесь на этот список:

Полк[27], Тайлер, Пирс[28] и так далее. Почти что избрали Тилдена[29], которого должно судить за мошенничество. Половина избирателей за него проголосовала.

Ничтожный Конгресс из невежд и самозванцев. Продажная шайка грабителей.

Единственное, о чем напоминает церковное пение, — это о кресле зубного врача.

Жаждал вашей крови, словно проситель, которому вы только что оказали содействие.

Конгрегационистское кладбище в Вашингтоне[30]. Каменные плиты даже для тех конгрессменов, которые похоронены в другом месте. Столь краткое величие никогда еще не рождало более вздорного тщеславия. По-настоящему взрослый человек должен считать пошлостью членство в Конгрессе.

Уехавший за границу получает льготы умершего. Я больше не с вами, и что вы ни скажете про меня, мне безразлично, — о, как это не безразлично, когда я с вами, один из вас! Я знаю, что вы воздержитесь от наиболее обидных слов, потому что они не могут меня уязвить; я далеко и их не услышу. Вот почему мы не обижаем умерших.

Какая малая величина сенатор или конгрессмен в Нью-Йорке, и какая он шишка здесь, в Вашингтоне!

Я думаю, что наше законодательство было бы много успешнее, если бы столица, куда доставляют этих надутых провинциальных ослов, была перенесена в Нью-Йорк. Конгрессу следует заседать в большом городе.

Я помню, как эти ничтожные конгрессмены появлялись к завтраку, каждый с пачкой бумаг и писем; вся повадка их и наслаждение, которое они извлекали из разыгрываемой комедии, показывали, что в берлогах, откуда они явились, письма были в диковину.

Еще добрый час после завтрака они продолжали сидеть за столом, чтобы на них смотрели. Пытались делать вид, что решают судьбы империи, читали свои письма, хмурили брови и т. п. Нью-

Йорк выбил бы чванство из этих конгрессменчиков, да еще как!

В одежде и в манерах нью-йоркцев, как мужчин, так и женщин, есть какая-то ловкость, сноровка, которой нет у приезжих. В поезде, на пароходе или еще где-нибудь часто задаешься вопросом: откуда этот господин, эта дама? Относительно нью-йоркцев такого вопроса не возникает. Вы можете одеться у нью-йоркского портного — это вам не поможет, вы никого не обманете. Вы — переодетый провинциал, и это вам скажет даже слепой.

Немецкая печка.
— Кто здесь погребен?
— Никто.
— Почему же стоит памятник?
— Это не памятник. Это печка.
Мы стояли, обнажив головы. Теперь мы надели шляпы. Печка вышиной в восемь футов. Посреди утолщение в три с половиной на два с четвертью фута, вроде женского бюста. Наверху — украшения[31].

2 мая в В.

Слушал кукушку. Генрих спросил: «Сколько лет я проживу?» Кукушка куковала в течение двадцати минут; таким образом, Генрих переживет Мафусаила[32].

Это впервые, что я слышу кукушку отдельно от настенных часов. Удивительно, как она искусно подражает своим собратьям в часах, хотя я уверен, ей ни разу не приходилось их слышать. Что может быть хуже часов с кукушкой?

Во Франкфурте газовые рожки с девятью горелками. Однако приходится зажигать не меньше восьми, чтобы увидеть девятую. Плохой газ — вне национальности.

У геттингенских студентов страшно изуродованы лица. Встретишь человека и не знаешь, ветеран он франко-прусской войны или просто получил высшее образование.

Кондуктор в новом, с иголочки, мундире и любезен, как… впрочем, в Америке нет материала для подобных сравнений, хоть

любезность и недорого стоит. Невежливость — наша национальная черта, причем не прирожденная, а благоприобретенная. Интересно было бы выяснить, от кого и каким путем она нам досталась.

Помещение банка в Гамбурге раньше, видимо, служило конюшней. Если бы наши банкиры были такими же скромными, быть может, и банки реже бы лопались.

Джон Хэй в дилижансе весь день пытался разговориться с соседом по-немецки. Наконец тот в отчаянии сказал: «Будь она проклята, эта тарабарщина!» Хэй бросился ему на шею: «Боже мой, вы говорите по-английски!»

Некоторые немецкие слова настолько длинны, что их можно наблюдать в перспективе. Когда смотришь вдоль такого слова, оно сужается к концу, как рельсы железнодорожного пути.

Объяснял на чистейшем немецком языке двум немцам, как пройти в Вольфсбруннен. Один из них всплеснул руками и сказал: «Gott im Himmel!»[33]

Видел сон, будто все дурные иностранцы попали в немецкий рай, не понимают ни слова по-немецки и жалеют, что нельзя перебраться в ад.

Чтобы придать немецкой фразе полноту и изящество, нужно прибавить в конце: wollen haben sollen werden.

Маннгейм, 24 мая, в театре

Шел «Король Лир», начали ровно в шесть. Не понял ни слова, грохотал очень схожий гром, также отличные молнии. Дж. сказал: «Слава богу, хоть гром гремит по-английски». Потом дома добавил: «Просидел три часа, ничего не понял, кроме грома и молнии».

Если вы уроните в спальне на пол монетку, пуговицу от сюртука или запонку, они затаятся, и найти их будет совсем нелегко. Найти носовой платок, положенный под подушку, — невозможно.

Собака будет «der Hund». Возьмем теперь эту собаку в родительном падеже, и что же вы думаете, это будет все та же собака? Нет, сэр, она станет «des Hundes», возьмем ее в дательном, — и что же получится? Это уже «dem Hund»! Пропустим-ка ее в винительном. Она ни более ни менее как «den Hund». Теперь предположим, что у нашей собаки сестрица-близнец и что эту сдвоенную собаку нужно склонять во множественном числе. Что же, пока ее прогонят еще сквозь четыре падежа, она составит целую международную собачью выставку. Я не собачник, но ни за что не позволил бы себе так обращаться с собакой, будь это даже чужая собака.

То же и с кошкой. Когда ее выпускают в именительном падеже единственного числа, это — прелестная кошечка. Они гонят ее сквозь четыре падежа и шестнадцать артиклей, и когда она вылезет из винительного множественного числа, вы не признаете ее за ту же кошку. Да, сэр, если немецкий язык возьмется за кошку, — прощай, кошка! Я считаю своим долгом сообщить об этом.

28 мая

Приобрел в дворцовом музее два пышно разукрашенных пугала, думаю начать с них портретную галерею своих предков. Один доллар и двадцать пять центов за мужской портрет, два доллара пятьдесят центов — за женский. У джентльмена на портрете заносчивая усмешка, но если бы он предвидел, что через сто лет будет продан за доллар с четвертью республиканцу, не могущему похвастаться ни титулом, ни знатным происхождением, наверное, его усмешка поблекла бы.

А вы, разряженное юное создание, с прической в виде аптекарской ступки, увенчанной розами, — что сталось с вашей прелестью за это столетие? Наверно, ваши поклонники восхищались портретом и предрекали, что через сто лет он сравняется в славе и ценности с портретами старых мастеров в галереях и его купит разве только король или владелец пивоваренного завода. И вот вы проданы за два с половиной доллара.

Антикварный дубовый стол и кресло. Купил очень дешево в Гейдельберге. Сделаны в прошлом году из сосновых досок и

покрашены черной акварельной краской. Вытер всю антикварность за полтора месяца.

Сегодня утром в дворцовый парк вошли гуськом шесть студентов. Каждый торжественно вел на сворке большого пса.

Клара: Почему нельзя?
— Потому что я сказала нет.
— Но ты же не сказала, почему нет.
Мистер Альберт: Возьми, папа тебе позволил.
Сюзи: Да, но мы слушаемся маму.

Венеция, 14 октября

Я обращаюсь ко всем американцам и англичанам, прочитавшим мои книги и ставшим оттого разумнее и добрее. Я никогда не беру на себя смелость советовать что-либо незнакомому человеку, потому что боюсь неумышленно причинить ему вред. Но на этот раз я говорю смело: пейте Dittura Agostina, и вы не раскаетесь.

Вздыбленные лошади на картинах старых мастеров походят на кенгуру.

Какая занимательная книга «Жизнеописание» Бенвенуто[34]. Она проживет не меньше, чем его Персей[35].

23 октября. В Санта-Кроче[36]

Оборванная старуха видела, как я оставил сигару. Когда мы вышли, она заявила, что сторожила ее от мальчишек, и потребовала пять сантимов за хлопоты. Она шла вслед за нами по улице, громко проклинала нас и призывала смерть на наши головы.

Марсов зал в Питти[37], № 92. Тициановский портрет Неизвестного. Поясное изображение; одет в черное, немного кружев на воротнике и на манжетах; короткие каштановые

волосы, худощав, хорош собой; выражение мужественное, свидетельствующее о воле и решительном характере; синие глаза, овальное лицо, пушок на верхней губе и на подбородке; печать уверенности и благородства. Портрет полон жизни, вы не сомневаетесь, что перед вами человек самых высоких достоинств, он требует от вас признания и уважения. Боже, какими дряблыми, пустоголовыми и напыщенными выглядят все мученики, ангелы и святые рядом с этим царственным человеком.

29 октября

Ничего нет смешнее, чем богоматерь или медный апостол, посаженные на каждом из великих памятников языческого Древнего Рима.

Только что приехавший художник-американец отправился в нищую итальянскую деревушку и уселся писать на треногом раскладном стуле. Появляется крестьянин с буйволами и обращается к нему с речью. Американец бранит крестьянина всеми словами и наконец спрашивает своего спутника Веддера:

— Что этому мерзавцу от меня нужно? Зачем этот негодяй пригнал сюда буйволов?

— Он говорит, что он привел буйволов в обычный час поить их водой, но не хочет мешать вам и охотно подождет до вечера; потом он опасается, что этот походный стул вам не очень удобен и хочет принести свой из дому.

Итальянцы и французы так преданы искусству и гостеприимны, что готовы помочь художнику, приехавшему на этюды, всем, чем только возможно.

Понтий Пилат мучился укорами совести и утопился в Люцернском озере. Это объясняет, почему гору назвали Пилат[38].

Я — противник смертной казни.

1879

Париж, 7 мая. Salon[39]

Логика критиков непостижима. Если я напишу: «Она была голая» — и затем приступлю к подробному описанию, критика взвоет. Кто осмелится читать вслух подобную книгу в обществе? Однако живописец поступает именно так, и на протяжении столетий люди собираются толпами, смотрят и восхищаются.

8 мая. Париж

Был с Бойесеном[40] в гостях у Тургенева. Пил чай из его Samovar.

12 мая

Тургенев провел у нас вечер. Принес мне свою книгу. Я подарил ему «Тома Сойера».

Во Франции нет зимы, нет лета и нет нравственности. За вычетом этих недостатков — страна прекрасна.

Вторник, 19 августа

Катался на пароходе по Уиндемирскому озеру. Беседовал с великим Дарвином.

Уже несколько лет в нашей литературе установился обычай хвалить все английское, хвалить от души. Это не находит отклика в Англии и потому прекратится. Каждый англичанин дружелюбно и с уважением относится к американцу, но Англия в целом презирает Америку. Это теперь не задевает нас, как, бывало, в

прежние годы. Мы равнодушны к тому, что страна не лучше и не обширнее нас глядит на нас свысока. Мы ввели в практику телеграфную связь. Мы придумали скоропечатный станок, швейную машину, спальный вагон и салон-вагон, телефон, броненосец, мы внесли свою долю в успехи столетия, мы первые начали предсказывать погоду. Никто не пишет по-английски изящнее, чем Мотли, Гоуэлс, Готорн и Холмс[41].

1 августа[42]

Вчера, беседуя о домашних делах, я заметил:

— Жаль, что, когда мы уезжали, я не сказал Джорджу: «Было бы неплохо, Джордж, если бы за эти три-четыре месяца, что нас не будет, ты научился бы…»

— …не трогать моих спичек, — закончила Ливи[43].

Это в точности то, что я не успел сказать, однако до того я ни словом не упоминал ни о Джордже, ни о его повадках.

Несколько лет тому назад я как-то сказал:

— Представь, что я дожил до девяноста двух лет. И вот, когда я уже умираю, входит нарочный и говорит…

— Вы граф Дэрем! — заканчивает Ливи. В точности то, что у меня было на языке. Перед тем я ни слова не говорил о графском титуле и вообще не затрагивал этой темы.

28 ноября. В Канаде

«Сударь, мне кажется, что я заблудился, но я плохо знаю ваш город и потому не могу судить об этом с полной уверенностью. Если вы будете настолько любезны, что укажете мне, где находится «Виндзор-Отель», господь вас наградит. Может статься, конечно, что я не заблудился, — я не присягну, что это именно так; да и как присягать, когда кругом нет ни одного знакомого здания. Но если вы мне покажете хоть один дом, который я уже знаю, я сразу пойму, заблудился я или нет. Я хочу сказать, что, сравнив свое местонахождение с местонахождением этого дома, я пойму, кто из нас заблудился. Прояснив этот вопрос, я начну действовать, исходя из создавшейся ситуации. Если окажется, что я заблудился, тогда я сейчас ничего делать не буду: правильнее

будет выждать известное время и затем возбудить дело против муниципалитета. Если же заблудился действительно дом, я примусь звать на помощь, потому что считаю долгом каждого порядочного человека…»

1882

8 мая[44]

Проснулся в 4 часа утра из-за невыносимой духоты. Какой-то болван закрыл транец[45], а под моей каютой пароходный котел. Пошел в лоцманскую рубку. Туман. Джордж Ритчи всю вахту ведет пароход по компасу, смотрит на карту, которую составил и запатентовал вместе с Биксби; иногда, на переправах, дает свисток. Великая вещь — карта. Теперь к ней прибегают многие лоцманы.

Джордж Ритчи взорвался где-то повыше Мемфиса; его выбросило в реку, оглушенного, прямо из лоцманской рубки. В ледяной воде он уцепился зубами за кипу хлопка и плыл, пока его, уже обес-силенного, не выловили матросы. Они распороли кипу хлопка и засунули его внутрь. Он согрелся, жизнь вернулась к нему, его доставили в Мемфис.

Но с тех пор он уже не прежний. Биксби взорвался раз на Мадридской излучине; второй лоцман погиб.

В 5 часов дня прошли место, где был Шляпный остров. Он пропал, нет и следа. Гусиный остров у кладбища, ниже Коммерс, тоже размыло, остался кусочек, которого вам не хватило бы на обед.

На развалинах Великой Башни черно от сарычей[46]: высматривают утопленников и т. п.

Ганнибал[47]

Возница от Гарта приехал за мной в десять вместо половины восьмого. В качестве извинения сказал: «Время в деревне течет медленнее, отстает на час-полтора от городского; так что опоздания нет. Иной раз встанешь в воскресенье ранехонько, а в городскую церковь придешь, проповедь, смотришь, наполовину прочитана. Время течет по-разному. Ничего не поделаешь».

Увы! Все переменилось в Ганнибале.

Но когда я дошел до Третьей или Четвертой улицы, слезы брызнули у меня: я узнал лужу. Это была та самая старая лужа, в которой завязла Энни Макдональд.

Семья бедняков на пароходе. Едут на Запад. Муж на палубе вместе с повозкой, жену с детьми пустили из милости в кают-компанию. Они спят на диване и на полу, без одеял, при свете. Ночью, должно быть, мерзли.

Вода выше Дюбьюка оливково-зеленая, полупрозрачная, роскошно освещенная солнцем. Верхняя Миссисипи — страна необыкновенных закатов.

Обрывистые берега выше Сент-Поля необычайно живописны. Там, где косматые утесы с зубцами, как башни, уходят в небо над крутым зеленеющим склоном, они поражают вас сочностью и теплотой красок. Темно-коричневый рядом с бутылочно-зеленым. Рай для художника. Напоминают по цвету дома в испанских кварталах Нового Орлеана.

По поводу дуэлей: допустим, что вы смоете ваше бесчестье, изувечив обидчика, но смоется ли бесчестье, если он изувечит вас?

Романтика речного кораблевождения умерла. Лоцман уже не бог Ганнибала. Молодежь больше не щеголяет речным жаргоном. Они мечтают теперь о железных дорогах и со смаком называют их начальными буквами — манера, распространившаяся по всему Западу.

Они смакуют эти начальные буквы, словно во рту — конфетка.

За время, что я путешествую, скончались четыре замечательных человека: Эмерсон и Лонгфелло здесь, Дарвин и доктор Джон Браун[48] — в Англии. Я был с ними со всеми знаком, с Брауном близко.

— Мы спасли душу турка.
— Во что это обошлось?
— Два миллиона долларов.
— Не дороговато ли?
— Убито двести индейцев.
— Во что это обошлось?

— Два миллиона долларов.
— За эти деньги можно было бы дать им высшее образование.

1883

Радость человека, попавшего в волшебную страну, где текут реки из водки и вина, а вода продается за деньги и считается деликатесом.

Очень скоро он втягивается в питье дорогостоящей воды и впадает в беспутство. На вино не смотрит — оно слишком доступно, его слишком много. Мораль — запретительные законы вредны.

Описать второе пришествие. Со всеми подробностями. Много апостолов ирландского происхождения. Падди Райен[49] в роли Иуды, другие апостолы. Звезда на востоке. Люди не верят, что звезда двигалась, говорят, что волхвы были под мухой. Интервью Иоанна Богослова.

Стормфилду[50] рассказывают о человеке, который всю жизнь стремился к райскому блаженству. Когда же наконец попал в рай, встретил там своего соседа, которого, по его глубокому убеждению, следовало отправить прямехонько в ад. Был настолько этим рассержен, что спросил, как пройти в ад, забрал саквояж и ушел.

Стормфилд узнает, что ад устроили, идя навстречу пожеланиям первых христиан. В настоящее время райские чертоги отапливаются радиаторами, соединенными с адом. Эта идея нашла полное одобрение у Джонатана Эдвардса, Кальвина, Бэкстера[51] и К°, так как муки грешников усугубляются от сознания, что пожирающий их огонь обеспечивает комфорт праведникам.

Если вы в темноте примете свою жену за грабителя и выстрелите, вы ее непременно убьете; если это в самом деле грабитель, промахнетесь наверняка.

— Кто такой англичанин?

— Человек, который делает что-либо потому, что так делали раньше.

— Кто такой американец?

— Человек, который делает что-либо потому, что так раньше не делали.

Живут внутри айсберга. Жилище прекрасно устроено; утварь

с погибшего корабля (а откуда берется тепло?). Рождаются дети. Толстый прозрачный лед в окнах.

Их находят мертвыми и замерзшими через сто тридцать лет. Айсберг движется по широкому кругу, и так год за годом. Каждые двадцать три года они видят вдалеке обломки своего корабля. Айсберг — двенадцать миль в длину, восемь в ширину, горы, долины, плато. Придумывают развлечения. Дети рождаются, вырастают, женятся. Пытаются разъяснить им, что такое жизнь на земле, в другом мире. Те не могут понять, они знают только свой айсберг. Приручают стада животных и стаи птиц, питаются ими. Может быть, у них нет огня. Тогда едят все сырым. Дети не видали огня, не знают об угле. Это должен быть дневник женщины, он начат уже после кораблекрушения; как они туда попали, не сказано. У них нет воскресенья.

Оба семейства знают, что им не спастись. Не хотят внушать детям несбыточную мечту и потому говорят им, что они родились здесь, на айсберге; ничего другого не знают.

Откуда же ножи и другие металлические предметы? Их, оказывается, нашли в яйце оугоупа. Дети часто принимаются искать гнезда этой воображаемой птицы.

Она рассказывает о юной девушке, душевнобольной, которая дожила до восьмидесяти. Посещает могилу мужа, умершего лет тридцать назад. Он лежит в ледяном склепе, не тронутый тлением, молодой, а она состарилась и поседела.

12 августа

Я думаю, что все мы микроскопические трихины в крови какого-то гигантского существа и что бог заботится о благополучии этого существа, а о нас даже не думает.

Я всегда сержусь, когда получаю определенного типа письма с просьбами о денежной помощи. Я не сержусь, когда такие письма пишут мне негры, — они делают это по простоте души. Миссис Клеменс[52] всегда говорит: «Считай каждого негром, пока не убедишься, что это не так».

Однажды, побившись об заклад, что буду изображать глухонемого, сел в почтовую карету из Вирджиния-Сити в Сан-Франциско. В карете было несколько женщин и юных девушек. Проехав немного, сошел. Проиграл пари.

Вообразил себя странствующим рыцарем средних веков. Потребности и привычки нашего времени; вытекающие отсюда неудобства. В латах нет карманов. Не могу почесаться. Насморк — не могу высморкаться, не могу достать носовой платок, не могу вытереть нос железным рукавом. Латы накаляются на солнце, пропускают сырость, когда идет дождь, в мороз превращают меня в ледышку. Когда я вхожу в церковь, раздается неприятный лязг. Не могу одеться, не могу раздеться. В меня ударяет молния. Падаю и не могу сам подняться.

Осенью 1884 года, когда мы с Кейблом разъезжали с публичными чтениями, он где-то достал «Смерть Артура»[53] и дал мне прочитать. Я принялся мысленно строить план книги. 11 ноября 1886 года, выступая в Говернорс-Айленд, я прочитал первую главу (все, что к тому времени было написано) и в заключение рассказал, что будет в книге дальше.

Написал книгу «Янки при дворе Артура» в 1887 и 1888 годах и издал ее в декабре 1889 года, — по крайней мере намереваюсь так сделать. (Эта заметка добавлена через пять лет.)

Если бог таков, как полагают, он должен быть несчастнее всех во вселенной.

Он наблюдает ежечасно мириады созданных им существ, испытывающих неисчислимые страдания. Он знает также о страданиях, какие им еще предстоят. Можно сказать: «Несчастен, как бог».

26 мая

В этот день в 1858 году мы расстались с Л. Она сказала: «Мы увидимся снова через тридцать лет».

У меня нет чувства юмора. В доказательство должен сказать — в порядке признания, — что если в «Пиквикском клубе» есть хоть одно смешное место, значит, мне его не удалось обнаружить.

Мои книги — вода; книги великих гениев — вино. Воду пьет каждый.

В Уэллсе пастор пришел собирать десятину. Жена фермера говорит:

— Преподобный отец, у меня одиннадцать ребят, не возьмете ли одного? Вы забираете каждую десятую свинью, почему бы вам не брать каждого десятого ребенка?

И можно ли толковать десятину как десятую часть урожая или приплода домашнего скота? Даже и так это чудовищный налог для бедняка. Он оставляет зияющую пустоту, все равно как если бы забрали кого-нибудь из членов семьи. Допустим, что бог обложил бы подобным налогом доходы богатых. Сколько продержался бы налог? С неделю? Представьте себе богатого богобоязненного англичанина, который, уплатив церкви от 10 до 800 тысяч фунтов стерлингов, не взвыл бы так, что его услышали бы в преисподней. Какая жалость, что бог не обложил налогом одних богачей. Я непременно сделал бы это. Но он-то знал, что богача нельзя заставить платить, а бедняка можно.

При всех своих изуверствах, глупостях и клоунадах старый библейский бог обладал сметкой дельца. Как только речь заходила о наличных сребрениках, он немедля прекращал казенную болтовню (благочестие, высокие чувства, милосердие) и переходил прямо к делу. Звон сребреников и подсчет барышей — лейтмотив библии, этой священной книги, каждое слово которой и каждая мысль которой исходят от него и вдохновлены им.

Он же подал мысль о десятипроцентном подоходном налоге на нищих. Нам постоянно толкуют, что само содержание библии служит доказательством ее «божественного происхождения». Отлично! Применяем этот метод доказательства к десятине и убеждаемся, что она ведет свое происхождение прямо из ада.

12 апреля

Третьего дня встретил на улице миссис Гарриет Бичер-Стоу. Она сжала мои руки в своих и сказала с горячностью, от которой у меня выступили слезы на глазах:

— Я читаю вашего «Принца и нищего» в четвертый раз и уверена, что лучшей книги для детей никогда еще не было.

17 мая

Вчера вечером, на обеде у Чарльза Дана, Депью рассказал, как однажды Грили оборвал человека, просившего пожертвований, «чтобы миллионы наших братьев не попали в ад», и рявкнул: «От меня — ни цента! Я считаю, что их попадает туда слишком мало!»

В мае написать профессору Фрэнсису Уэйленду, что я буду платить за учение юноши-негра Чарльза В.Джонсона, пока он не окончит юридический факультет Йельского университета…

Для статьи в «Принстон ревью» к апрелю 1888 года.

Описывая вымышленный случай, приключение или ситуацию, вы можете сбиться с пути, и искусственность построения легко обнаружится. Если же вы берете факт, знакомый вам по личному опыту, — это ваш желудь. Он пустит корни, и дерево, хотя бы оно росло и цвело до самого неба, будет настоящим, не выдуманным.

Вы не собьетесь с пути; держась факта, вы будете идти заданным курсом, по компа-су. Привести случаи, в которых, по моему мнению, автор исходит из вымысла, и другие, где автор стоит на твердом фундаменте пережитого, действительно происшедшего.

1888

Королевский трон не может рассчитывать на уважение. С самого начала он был захвачен силой, как захватывает добычу разбойник на большой дороге, и остался и дальше обиталищем преступления. Ничем, кроме как символом преступления, трон быть не может. С тем же успехом можно требовать уважения к пиратскому флагу. К доброму монарху следует отнестись как к пирату, который в промежутке между разбоями читает проповеди в воскресной школе; дурной монарх не вправе рассчитывать и на это. Тем не менее, если скрестить короля со шлюхой, ублюдок будет полностью соответствовать английскому представлению об аристократичности. Знатнейшие семейства Великобритании ведут свой род большей частью именно от таких непристойных браков. Система, принятая у наших индейцев, — разумнее и справедливее. Чтобы стать вождем, человек должен обладать достоинствами. Его сын не вправе наследовать ему, если найдется другой человек, более достойный[54].

Как нелепа монархия и как абсурдны ее претензии. Монарх идет на преступные действия, заранее уверенный, что по прошествии известного времени они не будут более считаться преступными.

Он совершает бесчестный поступок в уверенности, что с течением времени позорное пятно сотрется совсем, как если бы это был уносимый ветерком дурной запах. Сделав гнусность, он считает, что со временем ее будут рассматривать как акт добродетели. Он полагает, что беззаконие, если совершать его десять лет или тысячу лет подряд, получает свойства закона, и те, с кем обошлись несправедливо, мало-помалу смирятся и сами станут так думать, а если не они сами, то их потомки.

Усилием воображения можно представить себе семейство медведей, одержимых спесью по поводу того исторического факта, что их предок разграбил улей, и полагающих, что тем самым они получили наследственное право на дальнейший грабеж. Это можно себе представить, но дальше сравнение рушится. Пчелы будут кусать медведей, хотя бы это продолжалось тысячу лет. Человека можно убедить, что зло постепенно стало добром, пчелу же нельзя, по крайней мере в ее нынешнем недостаточно продвинутом состоянии. Пчеле не хватает почтительности. Когда ей внушат почтительность, она станет недурным англичанином.

Давайте соберем всех королей на земле и разденем их

догола. Потом перемешаем их с пятьюстами раздетых слесарей и пустим эту процессию на цирковую арену. Вход, разумеется, за приличную плату. Пусть зрители попытаются разыскать королей.

Ничего не выйдет, если не выкрасить королей в голубой цвет. Короля от бондаря отличает только одежда.

Какова главная прерогатива аристократа? То, что его не принято поднимать на смех. Над людьми других классов можно смеяться. Это очень существенно. Запретить смеяться над идеей или человеком — значит обеспечить ему вечную жизнь.

Ни одно божество, ни одна религия не выдерживает насмешки. Церковь, аристократия, монархия, живущие надувательством, встретившись с насмешкой лицом к лицу, — умирают.

Слово «верность» принесло много вреда. Люди приучились быть «верными» тысяче несправедливостей и беззаконий. Между тем им следовало быть верными только себе, и тогда они восстали бы против обмана.

В конституционных — номинальных — монархиях есть смысл заменить королевское семейство семейством шимпанзе. Разницы никакой, столь же достойны обожания, обойдутся дешевле.

Логика коров и христиан. Я имею в виду доказательство истинности религии, которое христиане наряду с коровами считают логичным.

Мы, американцы, поклоняемся всемогущему доллару. Что же, это более достойное божество, чем наследственные привилегии.

1890–1891

Монархия? Но это же устарело. Это относится к той стадии цивилизации, когда восхищались кольцом в носу, убором из перьев и синей татуировкой на брюхе.

Один из видов так называемого домашнего хозяйства: шесть библий и ни единого пробочника.

Уильям Пенн[55] стяжал вечную благодарность индейцев тем, что заключил с ними честную сделку, — назовем ее так, потому что по тем временам и такая была в диковину. Он купил территорию нынешнего штата Пенсильвания и щедро уплатил за нее, вручив бывшим владельцам на сорок долларов стеклянных бус и парочку подержанных одеял. Купил целый штат!

По нынешним временам за подобную цену не купишь даже законодательное собрание штата.

Гек приходит домой бог знает откуда. Ему шестьдесят лет, спятил с ума. Воображает, что он все тот же мальчишка, ищет в толпе Тома, Бекки, других.

Из скитаний по свету возвращается шестидесятилетний Том, встречается с Геком. Вспоминают старое время. Оба разбиты, отчаялись, жизнь не удалась. Все, что они любили, все, что считали прекрасным, ничего этого уже нет. Умирают.

Билл Стайлс вел в Конгрессе кулуарную кампанию за кандидата в Сенат. Жалуется на низкий уровень нравственности у конгрессменов: «Просто руки опускаются, нет человека, который, приняв у вас взятку, выполнил бы, что обещал!»

1892 [56]

Дважды приняли за Моммзена[57] — похожая шевелюра. При ближайшем рассмотрении оказалось, что мозги — разные.

В первое же воскресенье посетил церковь, а во вторник получил счет на двенадцать марок — на церковные нужды. Хватит. Не могу себе позволить исповедание религии за такую высокую цену. Здесь спасение души — для богатых.

В Кампании[58] громадные свирепые псы; они стерегут овец без пастухов. Встретиться с ними в этих пустынных местах очень опасно. Двое молодых англичан, — один из них мой приятель, — были вчера там с проводником, местным крестьянином, простодушным и богомольным. На поворо-те дороги проводник предупредил их, что сейчас будет место, где стерегут овец две самые злые собаки; что нужно идти осторожно и, если собаки вскинутся, уходить. Только они двинулись с места, явились псы. Два громадных зверя грозно мчались на путешественников. Проводник пробормотал дрожащим от ужаса голосом: «Повернитесь спиной и ради всего святого не двигайтесь. Я буду молиться пресвятой Деве. Она услышит меня. Она сотворит чудо и нас спасет. О господи, она нас спасет». И он стал молиться. Англичане стояли трясясь, без веры в силу молитвы пресвятой Деве. Вдруг уже в двух-трех шагах — яростное рычание собак смолкло и воцарилось гробовое молчание. Через минуту мой друг, больше не в силах вынести, обернулся и узрел чудо. Собака-мсье взобралась на собаку-мадам, и оба презрели свой долг стражей ради других интересов!..

Изо всех божьих созданий только одно нельзя силой принудить к повиновению — кошку. Если бы можно было скрестить человека с кошкой, это улучшило бы людскую породу. Но повредило бы кошкам.

Сейчас, когда подержанные истины, унаследованные нами от наших отцов, сильно поблекли, может быть, стоило бы кому-нибудь написать действительно честную статью о «Векфильдском священнике»[59] и выяснить, чем наши отцы восхищались и есть ли в этой книге хоть что-нибудь, не вызывающее насмешки и хохота.

Правда — величайшая драгоценность, нужно ее экономить.

Я не так легко теряю самообладание, но если уже потеряю, его не найдешь с ищейкой.

Он сказал напрямик, что если на то пошло, он выбирает ад. Сказал, что привык ежедневно читать парижское издание «Нью-Йорк геральд» и не может без него обойтись.

Боб Ингерсолл[60] рассказал о пресвитерианском святом, который, отправляясь из рая на экскурсию в ад, заплатил за проезд в оба конца, а потом никому не мог сбыть обратный билет.

1895

Париж

Клара забыла в кебе свой зонтик. Сюзи забыла в кебе несколько свертков. Миссис Клеменс забыла на прилавке кошелек. Я тоже забыл в кебе несколько вещей, но никому об этом ничего не сказал.

В Париже 26 244 кеба. Каждый в среднем делает за день тридцать поездок и перевозит сорок пять человек. Два человека из троих что-нибудь забывают в кебе. Итого на каждый кеб тридцать предметов в день. Десять тысяч в год. 262 440 000 в год, исходя из числа 26 244 кеба, если моя статистика справедлива.

Воскресенье утром

Трое из шести или восьми спутников, с которыми я вместе приехал в Париж, отправились в Лондон с американским мультимиллионером, чтобы вкусить от его триумфа. Прошел уже месяц, но они все еще не могут ни думать, ни говорить ни о чем ином. Они счастливы, оглушены, полны благостности, как если бы они побы-вали в раю и трапезовали с господом богом.

Комментарии Джин по доводу присланного мне приглашения на обед к германскому императору: «Папа, если так будет и дальше, тебе не с кем будет знакомиться. Разве что с богом».

Машинист на железной дороге: «Вы вылитый Марк Твен. Вы могли бы сойти за его близнеца!»

Канада

Торонто тянется на двадцать миль в одном направлении. Бедняки живут на одном конце города, а работают на другом. В воскресенье трамваи не ходят. Два мира отстоят друг от друга,

как если бы их разделял Атлантический океан.

Ну и что же? Лишь бы были довольны бог и попы[61].

Вчера во время чтения сзади меня по сцене прошел котенок. Публика смеялась в несмешном месте. Я не знал до конца, что случилось.

Навязчивый сон: я выхожу читать перед публикой, не заправив рубашку в брюки. Очень тревожный сон.

Воскресенье в Австралии строго соблюдается. Даже нет воскресного выпуска газет. Говорят, церковь боится, что не выдержит соперничества с печатью.

Все время, что мы были в Мельбурне, я не вставал с постели из-за карбункула.

С сотворения мира родилось и отправилось в ад 225 000 000 000 язычников.

Из них 28 000 спасены трудом миссионеров.

Епископ, вернувшийся из Китая: «Четыре пятых человечества не знает истинного бога. У бога не хватит времени их всех просветить, мы должны оказать ему помощь».

Мы легко соглашаемся, что у менее цивилизованных народов особенно сильно чувствуется неравенство между мужчиной и женщиной. Мы говорим, что это дикарство. Почему же мы так тупы и не видим, что тем самым мы признаем, что ни одна цивилизация не может быть совершенной, пока она не признает полное равенство мужчины и женщины.

Меня бесконечно поражает, что весь мир не заполнен книгами, которые с презрением высмеивали бы эту жалкую жизнь, бессмысленную вселенную, жестокий и низкий род человеческий, всю эту нелепую смехотворную канитель. Странно, ведь каждый год миллионы умирают с этим чувством в душе. Почему я не пишу эту книгу? Потому что я должен содержать семью. Это единственная причина. Может быть, так рассуждали и все другие?..

Пальмерстон, 2 декабря

Рано утром заплакал ребенок; не беда, я люблю детей. Потом звуки рояля — играет кошка или очень неопытный пианист. Более чем странная музыка: на три верных ноты в среднем четыре фальшивых. Играет с темпераментом, с видимым удовольствием. Старые-престарые мелодии сорокалетней давности. Если считать, что играет кошка (а это конечно кошка), то исполнение достойно всяческой похвалы. Это снова меня убеждает, что кошка смышленее, чем принято думать, и что ее можно подвигнуть на любой ужасный поступок.

Собаки ходят на мои лекции толпами. Подрались только однажды, в Омору. В Напьере висело объявление: «Категорически запрещается являться с собаками в первый ряд». Таким образом их присутствие в других рядах узаконивалось.

Утром небольшое землетрясение. Недостаточное, чтобы стрясти церковный звон.

Как часто люди, которые сами не умеют толком соврать, берутся рассуждать, где ложь и где правда.

Мы непоследовательны. Мы возмущаемся и протестуем, когда к нам проявляют неуважение, однако кто в глубине души уважает себя?

Хохот австралийского зимородка. Хищный, рыжий, лысый, покатая голова, мало перьев, красные плешины, огромные черные глаза в пурпуровом ободке глядят напряженно, вид совершенно беспутный. Деловит, эгоистичен, бессовестен, способен на все; так должен выглядеть профессиональный убийца. Между тем говорят, эта птица никому не приносит вреда.

1896

6 января

В полночь, когда я ложился спать, пробило восемь склянок; уснул, проснулся, пробило две склянки; уснул, проснулся, пробило четыре склянки; уснул, проснулся, услышал семь склянок; уснул, проснулся, услышал, как пробило одну склянку; уснул проснулся, услышал две склянки, — а вслед за тем раздался гудок, призывающий к завтраку. Выпил кофе в постели. Какая дурацкая ночь!

На палубе свирепствуют шалопаи. Досадно, что из шалопаев вырастают порядочные и полезные для общества люди нисколько не реже, чем из послушных детей.

Чем больше я присматриваюсь к современному морскому строительству и оборудованию, тем сильнее растет мое недовольство Ноевым ковчегом. Это было на редкость бестолковое сооружение (если подумать, для чего оно предназначалось). Только крестьянин мог изобрести подобную штуку.

Лучшей судовой библиотеки я не встречал. Надо перечитать этого чертова «Векфильдского священника». И кое-что из Джейн Остин.

Океан сегодня великолепен, синева напоминает мне Средиземное море; легкий, отчетливо-медный оттенок на неосвещенном солнцем спаде волны; тихое покачивание успокаивает и убаюкивает; вокруг все дышит покоем, чуждо мирским треволнениям. Вас овевает легкий ветерок, чтобы ваш жир не расплавился и не вышел наружу темными пятнами на одежде.

Дельфин — юморист водной стихии: проделывает, как видно, свои головоломные фокусы из чистой любви к искусству; никакой корысти.

С утра дал клятву, что не буду браниться. Утро провел на палубе, наблюдая восход солнца. Тихое, умиротворяющее

зрелище. Сошел в каюту, умылся, надел чистую рубашку, побрился (долгая, невыносимая, выматывающая душу каждодневная процедура). Ни разу не выругался! Собрался идти завтракать. Вспомнил о микстуре сам, без подсказки (впервые за эти три месяца). Налил микстуру, держа бутылку в одной руке, мензурку — в другой, а пробку в зубах. Продолжая держать мензурку, потянулся, чтобы взять стакан. Уронил мензурку. Поднял мензурку, налил снова микстуру, поставив предварительно стакан на умывальник. Только налил, пароход качнуло, и послышался звон; это мой стакан разлетелся вдребезги, дно, впрочем, осталось цело. Поднял его, чтобы выкинуть в иллюминатор; выкинул вместо него мензурку.

Тут я дал себе волю. Миссис Клеменс, стоя в дверях, наблюдала всю эту сцену: «Лучше не старайся, все равно тебе не исправиться».

Суббота, 18 января

Уже пять дней мы в Коломбо; у меня утомительный кашель. Так устал, что в четыре часа дня лег в постель в своем номере в отеле «Бристоль».

Самые удивительные вариации наготы и ослепительных красок — все гармонично, чарует. Составные части очарования — на девять десятых обнаженное, сверка-ющее черное тело и яркие увечные лохмотья, — и вот перед вами совершенный наряд; красота и изящество в сочетании с удобством.

Вдруг в этот опьяняющий вихрь и смешение прекрасных тел и восхитительных красок врывается оскорбительный диссонанс: двенадцать чопорных богобоязненных христианских черных девиц идут парами из миссионерской школы, одетые так, как летом одевают девочек по воскресеньям в английской или американской деревне.

Трудно передать удивление и испуг, охватывающие вас при этом неожиданном зрелище. Близкого эффекта можно добиться, если воскресным утром внезапно выпустить десяток здешних, почти обнаженных сингалезок в сумрачно-благопристойную толпу прихожан, шествующих в церковь в каком-нибудь американском или английском городе.

— Папа, салям, папа! — Маленькая нищенка трогает меня за

ногу; прелестная маленькая девчушка. Мальчик-нищий говорит:

— Здравствуй, отец!

Единственное совсем голое существо — четырехлетний карапуз, но и его нагота не абсолютна, животик у него опоясан бечевкой.

Бомбей, 20 января

Все время взаперти из-за проклятого кашля. Пока улучшения нет. Пропади он пропадом, этот кашель.

Воскресенье, 26 января

Оказывается, это был мистер Ганди (делегат Всемирного религиозного конгресса в Чикаго), тот, кто давал нам вчера пояснения в храме джайнов[62].

Весь вчерашний день ехали по иссушенной солнцем земле, густо усеянной грязными деревушками в разных стадиях упадка. Печальная страна — страна невообразимой бедности и лишений.

Три длинные седые обезьяны вприпрыжку прошли по дороге.

Вот уже шесть часов мы плывем по реке Хугли, и невозможно распознать, что мы в Индии. Через каждые несколько миль видим на берегу большой белый дом с колоннами европейской архитектуры, господствующий над обширной равниной. На горизонте лес. Смотрите, луизианские плантации! А крытые тростником домики превращаются в негритянские хижины, столь знакомые мне по воспоминаниям более чем сорокалетней давности. В продолжение шести часов я плыл вдоль сахарного берега Миссисипи.

28 марта 1896. В море

Наш капитан — красавец и геркулес, молодой, решительный, мужественный, крупная прекрасная голова, на него приятно смотреть. У нашего капитана есть странность: он не умеет так сказать правду, чтобы она не звучала ложью. В этом отношении он полная противоположность разбитному шотландцу, который сидит в середине стола; тот не может соврать так, чтобы ему не поверили. Когда капитан что-нибудь рассказывает, пассажиры переглядываются, как будто спрашивая: «Неужели вы верите?» Когда шотландец рассказывает, у всех на лицах читаешь: «Как интересно и удивительно!» Все дело в характере и в манере рассказчика. Капитан застенчив и не уверен в себе, и он говорит о самых обычных вещах, словно сам сомневается. Шотландец преподносит вам дичайшую выдумку с безмятежной уверенностью, и вы не можете не верить ему, хотя знаете, что все это вздор.

Вот пример: капитан рассказал, как однажды вез в Англию шестьдесят малышей, самому старшему было не больше семи лет. Почти без исключения это были дурные дети, потому что всю свою жизнь они тиранствовали над туземными слугами и помыкали ими. Капитан рассказал, как семилетний мальчишка пытался бросить в море трехлетнего карапуза, как он, капитан, ухватил малыша за ногу и спас тем от гибели, а затем дал оплеуху обидчику, в ответ на которую получил несколько звонких пощечин от матери мальчугана. Дамы за столом вполголоса спрашивали: «Неужели вы верите, что она его в самом деле ударила?»

Вступил в беседу шотландец и рассказал, как он выловил однажды акулу у ледяных берегов Антарктики. Когда туземцы выпотрошили акулу и вскрыли желудок, то обнаружили там сигары, головные щетки, молитвенник, пробочник, револьвер и другие мелкие вещи, принадлежавшие миссионеру, пропавшему без вести на Островах Согласия три года тому назад. Когда он потребовал от туземцев свою долю добычи, они рассмеялись ему в лицо и не дали ничего, кроме отсыревшего бумажного шарика. Но этот шарик оказался скомканным лотерейным билетом, на который в Париже пришелся выигрыш в 500 000 франков.

Все за столом согласились, что рассказ изумительно интересен, никто не подверг сомнению ни малейшей детали.

Капитан рассказал, как однажды сумасшедший гонялся за ним с топором вокруг мачты и как он уже выбивался из сил, когда на шум прибежал помощник и бросил шезлонг под ноги безумцу; потом навалился на него, вырвал из рук топор и спас таким образом жизнь капитану.

Все это было правдоподобно, но капитан рассказывал вяло, и

было ясно, что никто не поверил ни единому слову.

Тут же шотландец рассказал о летающей рыбе, которую ему удалось приручить.

Эта рыба долго жила в бассейне и летала на ближний луг ловить лягушек и птичек. Ему снова поверили. Ему верят, хотя он не говорит ни единого слова правды. Капитану не верят, хотя, как мне кажется, он никогда не лжет.

Моя литературная судьба в этом смысле весьма любопытна. Мне никогда не удавалось соврать так, чтобы мне не поверили. Когда я говорил чистую правду, никто не желал мне верить.

В Джайпуре я повторил некоторые опыты сэра Джона Леббока[63] с муравьями и получил сходные результаты. Потом я предпринял собственные опыты.

Они показали, что муравьи хорошо ориентируются в сфере духовных интересов. Я соорудил четыре миниатюрных святилища: мусульманскую мечеть, индийский храм, еврейскую синагогу и христианский собор — и поставил их рядом. Затем я пометил пятнадцать муравьев красной краской и пустил их на волю. Они бегали взад и вперед, глядели на храмы, но внутрь не заползали. Я выпустил еще пятнадцать муравьев, пометив их синим. Они повели себя так же. Я позолотил и выпустил еще пятнадцать муравьев. Результаты не изменились. Все сорок пять муравьев суетились, подходили ко всем храмам, но ни в один из них не вползали. Я счел доказанным, что отобранные мною муравьи не имеют твердых религиозных воззрений; это было необходимой предпосылкой для следующего, еще более важного опыта.

Я положил у входа в святилища по клочку белой бумаги. На бумажку перед мечетью я положил немного замазки, перед входом в индийский храм — чуточку дегтя, перед входом в синагогу капнул скипидара, а перед входом в собор положил кусок сахару. Теперь я выпустил красных муравьев. Они отвергли замазку, и деготь, и скипидар и набросились на сахар с жадностью и, как мне показалось, с искренним чувством. Я выпустил синих; они в точности повторили действия красных. Золотые поступили так же, без единого исключения. Это не оставляло сомнений в том, что муравьи без определенных религиозных воззрений, если им предоставить выбор, отдают предпочтение христианской религии перед всякой другой.

Чтобы проверить опыт, я запер опять муравьев и переместил замазку в собор, а сахар — в мечеть. Я выпустил сразу всех муравьев, и они толпой ринулись прямо к собору. Я был тронут

до слез и пошел в соседнюю комнату, чтобы записать этот замечательный опыт. Но, вернувшись, я увидел, что все муравьи изменили христианской вере и перешли в мусульманство. Я понял, что поспешил с первоначальными выводами, мне стало неловко и горько. Уже менее уверенный, я решил продолжить свой опыт. Я положил сахар в третий храм, а после — в четвертый. И что же? В какой храм я клал сахар, в тот и устремлялись мои муравьи. Таким путем я пришел к конечному выводу, что в отношении религии муравьи являются полной противоположностью людям. Человек идет в тот храм, где его учат истинной вере. Муравей же в тот, где ему дают сахар.

Маколей[64] говорит о «гнусной» должности казенного палача. Если это гнусная должность, то закон, учреждающий ее, — гнусный закон, и закон, предусматривающий в качестве наказания смертную казнь, — тоже гнусный закон; суд, приговаривающий к смертной казни, — гнусное учреждение; судья, объявляющий смертный приговор, — гнусен. Все они в равной мере подлежат клейму и през-рению. Если разобраться, должность генерала и должность казенного палача мало чем отличаются. Генерал убивает по закону и для блага своей страны; в точности то же делает и палач. Если признать первую должность почетной, будет нелепо отказывать в этом второй. Если же вы докажете, что одну из этих должностей следует почитать недостойной, резренной, вы увидите, что доказали то же и в отношении второй.

Не обманывая себя, вам не разделаться с этим.

Какая странная затея детективный роман! Не знаю, найдется ли автор такого романа, который не испытывал бы чувства стыда (я исключаю «Убийство на улице Морг»[65]).

Рассказ Смайта о Браунинге[66]. Однажды его просили растолковать значение одного пассажа в «Сорделло». Браунинг почитал, подумал, потом сказал: «Было время, когда двое могли ответить на этот вопрос». Он сперва указал пальцем на себя, потом поглядел на небо. «Теперь только один» — и поглядел на небо.

Характерная черта американцев — невежливость. Мы нелюбезная нация. В этом мы намного переросли все народы, как цивилизованные, так и дикие (или не доросли до них).

Нас называют изобретательной нацией, но другие народы тоже изобретательны. Нас называют хвастливой нацией, но

другие народы тоже хвастливы.

Нас называют энергичной нацией, но другие народы тоже энергичны. И только в нелюбезности, в невежливости, невоспитанности мы не имеем соперников — пока черти сидят в аду.

Квикстаун, 4 июня

Черный дикарь, которого вытеснил бур, был добродушен, общителен и бесконечно приветлив; он был весельчак и жил, не обременяя себя заботами. Он ходил голым, был грязен, жил в хлеву, был ленив, поклонялся фетишу; он был дикарем и вел себя как дикарь, но он был весел и доброжелателен. Его место занял бур, белый дикарь.

Он грязен, живет в хлеву, ленив, поклоняется фетишу; кроме того, он мрачен, неприветлив и важен и усердно готовится, чтобы попасть в рай, — вероятно, понимая, что в ад его не допустят.

Два-три года тому назад, за обедом у Лоуренса Хаттона, Генри Ирвинг[67] спросил меня, не слыхал ли я историю про то-то. Мне стоило труда сказать «нет». Он принялся рассказывать, потом помолчал и снова спросил: «Вы в самом деле не знаете?» Я мужественно подтвердил, что не знаю. Он стал продолжать, потом снова замолк и спросил, правду ли я говорю. Тогда я сказал, что могу соврать раз, могу из любезности дважды, но не более того. Я не только слыхал эту историю, я сам ее выдумал. Так оно и было в действительности.

В Австралии, в тамошнем клубе, со мной вступил в беседу один господин, и я сразу увидел, что это местный присяжный рассказчик и что он сейчас будет распускать свой павлиний хвост. Он начал с того, что поезда в Новой Зеландии ходят ужасно медленно, и я понял, что это вступление к какому-то анекдоту. Ждать не пришлось. Он рассказал, как однажды посоветовал кондуктору снять с паровоза предохранительную решетку от коров и насадить ее сзади на хвостовой вагон поезда. «Нам все равно ни одной коровы не перегнать, — сказал он кондуктору, — а они могут в любую минуту забраться в задний вагон и искусать пассажиров». Я легко сбил бы его, сказав, что в Австралии нет в поездах решеток. Я еще легче сбил бы его, если бы сказал, что сочинил эту шутку, когда он был еще в младенческом возрасте.

Это было очень, очень давно. Я сочинил ее для своего публичного выступления.

Что сделать с человеком, который первым стал праздновать дни рождения? Убить — слишком мало. Дни рождения хороши до поры до времени. Когда у тебя подрастают дети, эти даты подобны веселым флажкам на дороге, по которой мчишься вперед.

Но вдруг ты замечаешь, что с флагштоками что-то случилось — они изменили форму, превратились в путевые столбы. Теперь по ним считаешь не выигрыши, а потери. С этой поры забудь, что ты отмечал день рождения.

Если бы мне поручили сотворить бога, я наделил бы его некоторыми чертами характера и навыками, которых не хватает нынешнему (библейскому) богу.

Он не стал бы выпрашивать у человека похвал и лести и был бы достаточно великодушен, чтобы не требовать их силком. Он должен был бы себя уважать — не менее, чем всякий порядочный человек.

Он не был бы купцом, торгашом.

Он не скупал бы льстивые похвалы.

Он не выставлял бы на продажу земные радости и вечное блаженство в раю, не торговал бы этим товаром в обмен на молитвы. Я внушил бы ему чувство собственного достоинства, свойственное порядочным людям.

Он ценил бы лишь такую любовь к себе, которая рождается в ответ на добро, и пренебрегал бы той, которую по договоренности платят за благодеяния. Искреннее раскаяние в совершенном грехе погашало бы грех навсегда, и от человека, раскаявшегося в душе, никто бы не ждал и не требовал словесных просьб о проще-нии.

В его библии не было бы смертного греха. Он признал бы себя автором и изобретателем греха, а равно автором и изобретателем способов и путей к совершению греха. Он возложил бы всю тяжесть ответственности за совершаемые грехи на того, кто повинен в них; признал бы себя главным и единственным грешником.

Он не был бы завистлив и мелочен.

Даже люди презирают в себе эту черту.

Он не был бы хвастуном.

Он скрывал бы, что в восторге от себя самого. Он понял бы, что хвалить себя при занимаемом им положении дурно.

Он не испытывал бы мстительных чувств.

Не было бы никакого зла, кроме того, в котором мы все живем от колыбели и до могилы. Не было бы никакого рая, — и прежде всего того, который описан в библиях всех религий.

Он посвятил бы толику своей вечности на раздумье о том, почему он создал человека несчастным, когда мог ценой тех же усилий сделать счастливым. В остающееся время он пополнял бы свои сведения по астрономии.

Все собаки здесь носят намордники и делают вид, что им это нравится. Наверно, какая-нибудь герцогская собака вышла однажды в намордник, потому что зубы болели или так, для потехи. Другие переняли с готовностью[68].

Державы (коронованные грабители) попали в славную переделку. Султан режет армян, как свиней на бойне[69], и Концерту держав следовало бы вмешаться, но Россия держит все карты в руках.

24 октября

Сегодня написал первую главу новой книги.

Английский железнодорожный магнат сказал: «Мы настаиваем на своем праве обращаться с наемными служащими так, как мы находим удобным».

В Иоганнесбурге управляющий крупной шахтой сказал: «Мы не называем наших негров рабами, но это слово определяет их положение и, поскольку от нас зависит, будет определять и в дальнейшем».

Юмор сновидений. Вчера мне приснился фермер, у которого спрашивали, на какую из двух лошадей он делает ставку.

Он отвечал: «По сто фунтов стерлингов на каждую лошадь». Тогда молодые люди, которые его спрашивали, стали смеяться; им было ясно, что он выиграет одну ставку и проиграет другую, и следовательно, мог бы вовсе не ставить. Нет, это было не так; они смеялись, увидев, что он готовится выиграть и ту и другую ставку, что им казалось нелепым; кроме того, они так смеялись, зная наверное, что он проиграет обе.

Все это казалось во сне осмысленным. Такова особенность

сновидений, они могут быть вздорными и ни с чем не сообразными, но это обнаруживаешь, только когда проснешься.

Мы только эхо. Мы не имеем своих мыслей, своих суждений. Мы навозная куча разлагающихся наследственных признаков, физических и моральных.

Основные конструктивные и механические принципы, определяющие устройство муравьев, убеждают меня, что муравей толково задуман и дельно выполнен. У него шесть ног: четыре по углам и две посередине. Вообще говоря, это много, но некоторые из них — запасные; он дополз на них домой, когда другие отгрызены. Муравьи отгрызают друг другу ноги, улаживая религиозные и политические конфликты.

Ливи приехала в Элмайру ровно через год и на том самом поезде, на котором уехала. Сюзи[70] стояла тогда на платформе и махала рукой; теперь она лежала в гробу в нашем ленгдонском доме.

Сюзи была близорука. Как-то, когда она была маленькой, я поднимался с ней вместе по лестнице и, обернувшись на полдороге, увидел через стеклянную дверь столовой кошку-трехцветку, свернувшуюся клубком на ярко-красной скатерти на обеденном круглом столе. Поразительное зрелище. Я сказал Сюзи: «Взгляни!» — и был очень удивлен, что она не сумела увидеть.

В бреду она говорила многое, из чего было видно, что она гордилась своим отцом: «Это потому, что я дочь Марка Твена!» И когда читала о том внимании, которое нам оказали в Австралии и в Индии: «Кэти, это — моя семья!»

В те дни в Париже, когда она так быстро росла, ее речь была подобна ракете; мне казалось иногда, что я вижу, как огненная полоса взлетает выше и выше и взрывается, разлетаясь цветными искрами. И мне хотелось сказать: «Чудесная моя девочка!» Но я молчал, и мне горько теперь вспоминать. Я вырос в семье, где было не принято обнажать свои чувства.

Она так ликовала, когда моего «Простофилю Вильсона»[71] взяли на сцену. Она так интересовалась всем, что я делаю, и мне так не хватает ее, и нет охоты работать.

1897

Как странно, что, будучи совершенно неспособен рисовать, писать красками, я иногда, зажмурив глаза, вижу перед собой какие-то лица (всегда темные, цвета дубленой кожи), изящные, миниатюрные, различаю детали. Откуда они? Это незнакомые лица, совсем чужие. Откуда они пришли? И откуда эти прелестные лица, которые я вижу во сне? Сознательным усилием я не могу представить себе ни единого человеческого лица.

Богу следовало бы переодеться в штатское платье и лично обследовать жизнь лондонских бедняков. Он был бы, наверно, тронут и сделал бы для них что-нибудь.

Он не был лжецом, но любил внушать превратные представления. Причем не разменивался на мелочи. Если бы, например, он запачкал брюки разными красками, он не стал бы лгать, но сумел бы создать впечатление, что испачкался, скатываясь с радуги.

18 марта

Снилось, будто я поймал прекрасную рыбу в четырнадцать дюймов длиной и предвкушал, какова она будет на блюде. Я был очень голоден. Потом я почувствовал тревогу и разочарование. Было воскресенье, и нести рыбу домой было нельзя: если Ливи узнает, что я удил в день субботний, она будет ужасно огорчена. Тут я решил, что могу подарить ей рыбу и тогда она промолчит.

Если не считать этого последнего обстоятельства, сон дает совершенно правильное представление обо мне и о ней.

Во сне мне казалось, впрочем, естественным, что она поступится из-за рыбы своими религиозными взглядами.

28 марта

Твичел прислал мне большую газетную вырезку с заголовком на пять столбцов: «Конец блестящей карьеры». Там сообщалось,

что я живу в Лондоне в нищете и что семья меня бросила. Если бы это исходило от собаки, коровы, слона или других высших животных, я преисполнился бы ярости и отвращения, но это дело рук человеческих и нужно быть снисходительным.

Лондон. 13 апреля

Сегодня окончил книгу.

18 мая

Снова окончил книгу. Дописал тридцать тысяч слов.

Меня посетил мистер Уайт, здешний корреспондент «Нью-Йорк джорнел», и показал две телеграммы из своей нью-йоркской редакции.

Первая: «Если Марк Твен умирает в Лондоне в нищете, шлите 500 слов».

Вторая (более поздняя): «Если Марк Твен умер в Лондоне в нищете, шлите 1000 слов».

Я объяснил ему, в чем дело, и продиктовал ответную телеграмму, примерно такую: «Джеймс Росс Клеменс, мой родственник, был серьезно болен две недели тому назад; сейчас он поправился. Слух о моей болезни возник из-за его болезни.

Слух о моей смерти сильно преувеличен. Я здоров. Марк Твен».

На континенте[72] невозможно получить приличный бифштекс; он всегда пережарен, как святой на костре.

Одна лестница, другая, широкие ступени. Странная маленькая церковь, увенчанная двумя очень высокими шпилями, заостренными, как зубочистки. Когда птица садится на такой шпиль — кажется, что ее сажают на кол. Старинная дверь, украшенная барельефами: на одной стороне вооруженный рыцарь, на другой — епископ. В просторном притворе, в нишах, статуи шести святых в человеческий рост; снизу дощечки с надписями.

Один — С. Петр, он держит золотой ключ. Под другим надпись — С. Клеменс; это мое имя, моя фамилия. Я был очень горд, что нашел своего прародителя в таком месте, в такой компании. Впрочем, наша семья отличалась всегда благочестием, и дай мне волю, из меня тоже получился бы отличный святой. На С. Клеменсе — каска; по-видимому, до того как выдвинуться, служил полисменом. Вокруг церкви большое кладбище.

На могилах полувековой давности — истлевшие цветы. Мир. Тишина. Аллеи обсажены кустарником.

Не подлежит сомнению, что больше всех пресмыкаются перед монархами и аристократами и больше всех извлекают из этого радостей именно американцы.

Не все, разумеется, но если уж американец берется за это — он вне конкуренции.

В деревушке, в штате Миссури, зарыт клад. Из полустертой записи стало известно, что там должно быть 980 долларов. Деревушка охвачена духом стяжательства. Ссоры, убийства. Находят клад. В нем 9 долларов 80 центов.

Духовных и военных судей из трусов, лицемеров и карьеристов можно фабриковать по миллиону в год, и еще останется сырой материал. Нужны пять веков, чтобы создать Жанну д'Арк или Золя[73].

11 декабря

Телеграмма из Кеокука, штат Айова: «Орион[74] скончался сегодня».

Ему было 73 года.

30 декабря

Все еще нет письма от Молли.

Мы не знаем, болел он или смерть была неожиданной.

1898

В течение многих столетий Сатана занимает видное положение духовного главы четырех пятых людского рода и политического главы всего человечества; так что нельзя отказать ему в первоклассных организационных способностях. Рядом с ним все наши политики и папы римские — просто козявки, которых надо рассматривать под микроскопом.

У него нет ни одного оплачиваемого помощника. У него врагов — миллионы.

Одни поклоняются чинам, другие — героям, третьи — силе, четвертые — богу, и спорят из-за этого между собой; но все единодушно поклоняются деньгам.

Настоящий друг с тобой, когда ты не прав. Когда ты прав, всякий будет с тобой.

Есть только два рода мудрецов: одни кончают с собой, другие пьют, чтобы заглушить голос мысли.

Богу не хватает стойкости, твердых убеждений, характера. Ему следует быть католиком, или пресвитерианином, или кем-нибудь, все равно — но не стараться поспеть повсюду.

Давайте чертыхаться, пока есть время; в раю все равно не позволят.

Верный способ испортить дружеские отношения — сказать: «Нет, вы не так рассказываете эту историю». Потом рассказать по-своему.

Близкое знакомство ведет к фамильярности. Это верное замечание. Мы так почитаем истину, потому что редко имеем случай близко с ней познакомиться.

Когда вспоминаешь, что все мы умалишенные, странное объясняется и все становится ясно.

«Правда всесильна, и она побеждает». Возразить действительно нечего, кроме того, что это не так.

Нет сомнения, что христианство будет существовать даже через тысячу лет (в музее, в виде набитого чучела).

Всякому — свое. Святой Франциск Ассизский однажды сказал: «Каждый святой сумеет сотворить чудо, но кто из них сможет управлять приличной гости-ницей».

Хорошие друзья, хорошие книги и спящая совесть — вот идеальная жизнь.

Некоторые утверждают, что между человеком и ослом нет никакой разницы; это несправедливо по отношению к ослу.

10 августа

Этой ночью видел во сне китобойное судно, плавающее в капле воды.

Не под микроскопом, в действительности. Значит, люди, участвующие в этом плавании, уменьшились до такой степени, что почти незаметны богу, и он не обращает на них никакого внимания.

Лежал, раздумывая над этим. Решил написать спор микроскопа с большим телескопом. Из этого спора можно извлечь мораль.

Рассказ о Сатане-младшем, который появился в Ганнибале, посещал школу; те, кто знал его тайну, дружили с ним и очень его любили. Другие завидовали, а девочки не водились с ним потому, что от него пахло серой. Он постоянно творил чудеса; его друзья знали, что это настоящие чудеса, другие думали — фокусы[75].

1899

Дорогие дикари! Со времени нашей последней встречи прошло двадцать семь лет. Многие из вас поседели с тех пор, облысели. Я был тогда ростом шесть футов, четыре дюйма; сейчас во мне пять футов и восемь с половиной дюймов; и с каждым днем я все убываю. Этот процесс коснулся и моих убеждений. Не могу сказать, чтобы я стал за это время специалистом по правде. Многие к тому времени, когда приходится умирать, уже истратили на земле всю правду, которой владели, и являются на тот свет с пустыми руками. У меня же осталось столько, что там просто ахнут…

В то время я был молод и неразумен, сейчас — стар и еще неразумнее. Мои волосы были огненно-красными, как закатное солнце, сейчас они серые, как тусклый холодный рассвет.

Я еще незнаком с XX столетием. Я желаю ему удачи, но мое сердце принадлежит предыдущему. Я захватил из него шестьдесят пять лет просто из любопытства; если бы я знал его так хорошо, как знаю сейчас, то забрал бы всю сотню.

1902

Среда, 4 июня. Колумбия, штат Миссури

Получил степень доктора законоведения[76].

Одно из доказательств бессмертия души то, что миллионы людей верили в это; те же миллионы верили, что земля — плоская.

Создать человека — была славная и оригинальная мысль. Но создавать после этого овцу — значило повторяться.

Самый подходящий момент начинать статью наступает, когда вы ее успешно закончили. К этому времени вам становится ясно, что именно вы хотите сказать.

Мой наличный доход от книг за 1902 год 60 000 долларов (от двух издателей). Вместе с другими доходами несколько более 100 000 долларов.

В 1895 году хиромант Чейро[77], поглядев на мою ладонь, сказал, что на шестьдесят восьмом году жизни я внезапно стану богатым. В это время я был банкротом и был должен своим кредиторам после краха фирмы Чарльз Уэбстер и К° 94 000 долларов. Двумя годами позднее Чейро повторил свое предсказание и снова добавил, что богатство придет ко мне неожиданно. Я суеверен. Я запомнил его предсказание и нередко о нем раздумывал. Когда оно, наконец, сбылось 22 октября 1903 года, до назначенного срока оставался месяц и девять дней.

По контракту, заключенному в этот день, я передаю Харперу исключительное право на издание моих книг. А они сейчас в цене. Фактически это целое состояние. Харпер гарантирует мне в течение пяти лет 25 000 долларов ежегодно; сам же, если поведет дело толково, — будет получать много лет вдвое больше.

Человек был создан в последний день, когда бог уже утомился.

На пароходе[78]. За ужином оркестр играл «Cavalleria Rusticana»[79] — интермеццо, связанное для меня с Сюзи. Я очень

люблю эту вещь, но мне нестерпимо тяжело ее слушать.

В Гибралтаре встретил Майкла Бенунеса, который тридцать шесть лет тому назад был нашим гидом. Он по-прежнему самый видный мужчина в городе. Мы ездили с ним в Испанию: Джексон, Дэн, Джек, мисс Ньюэл и я; никого, кроме меня, кажется, нет в живых.

Когда читаешь библию, больше удивляешься неосведомленности бога, нежели его всеведению.

Трудно поверить, что кто-либо, прожив жизнь, не считал бы ее в глубине души неудачной.

Вряд ли найдется разумный человек, достигший шестидесяти пяти лет, который согласился бы прожить свою жизнь снова.

Если бы человека создал человек, он устыдился бы плодов своего труда.

Видел забавный сон, будто наша прежняя кухарка пришла и сказала: «Графиня укусила бешеного осла, и он околел».

27 апреля

Джелли закончил мой портрет для Сент-Луисской выставки. Очень недурно. Ливи хвалит портрет, продержала его целый день у себя в комнате. Портрет переходит в мою собственность — за позирование — значит, и в ее собственность тоже. Она хочет, чтобы его привезли из Сент-Луиса снова сюда. Будет, как она хочет.

Американцы и англичане — чужие друг другу, хотя и в меньшей степени, чем другие народы. Мужчины и женщины, даже муж и жена, — тоже чужие друг другу. У каждого есть свое, скрытое от другого и недоступное его пониманию. Это как пограничная линия.

1904

Отплыл вчера вечером в десять. Сейчас прогудел рожок к завтраку. Я узнал его и был потрясен. В последний раз мы слышали этот звук вместе с Ливи[80]. Теперь он для нее не существует.

Погода прекрасная, море тихое и необыкновенно синее.

Я видел июнь шестьдесят восемь раз.

Как бесцветны и тусклы они по сравнению с ослепляющей чернотой этого.

2 июля

За эти тридцать четыре года мы много ездили вместе по свету, дорогая Ливи. И вот наше последнее путешествие.

Ты там, внизу, одинокая; я наверху, с людьми, одинокий.

Кэти Лири была при кончине Сюзи в 1896 году и теперь — при кончине Ливи.

Она у нас служит двадцать три года.

29 июля

Холодно. Мы затопили камин. Потом вспомнили, что в трубе поселились ласточки, и стали вытаскивать поленья, заливать их водой. Трагедия была предотвращена.

1 сентября

В Гринвиче, штат Коннектикут, скончалась моя сестра Памела Моффат в возрасте семидесяти трех лет. Из них шестьдесят лет она болела. Смерти этого года: 14 января, 5 июня,

1 сентября.

13 октября

Составил завещание.

Единственное резко выраженное различие между средним цивилизованным человеком и дикарем в том, что первый предпочитает позолоту, второй — раскраску.

Бог свиреп в Ветхом Завете и обаятелен в Новом — доктор Джекиль и мистер Хайд[81] священного романа.

Давайте жить так, чтобы даже гробовщик оплакивал нашу кончину.

В шкуре каждого человека таится раб.

Ничто не поражает сильнее, чем чудо, — разве только наивность, с которой его принимают на веру.

Только мертвые имеют свободу слова.

Только мертвым позволено говорить правду.

В Америке, как и повсюду, свобода слова — для мертвых.

Нет ни единого права, которое не было бы продуктом насилия.

Нет ни единого права, которое остается незыблемым; его всегда можно уничтожить посредством очередного насилия. Следовательно, человек не имеет ни одного ненарушимого права.

Бог представляет насилие (он хитер, ненадежен, злобен).

«Папаша сейчас в хлеву. Вы отличите его от свиней, он в шляпе».

Во время чреватых кровавыми событиями серьезных общественных кризисов толпа мало заботится, на чьей стороне правда. Она заботится только о том, чтобы быть на стороне сильного. В Северных штатах, в годы перед войной, тех, кто выступал против рабовладения, подвергали остракизму, презирали, травили.

Это делали «патриоты». Потом «патриоты» перешли мало-помалу на сторону тех, кто боролся с рабовладением, и только тогда это стало считаться патриотичным.

Есть два рода патриотизма: монархический патриотизм и республиканский. В первом случае монарх и правительство спокойно подсовывают вам свое представление о патриотизме. Во втором — ни правительство, ни даже нация в целом не вправе указывать отдельному гражданину, что ему делать. Евангелие монархического патриотизма гласит: «Мой король всегда прав!» Мы рабски скопировали его, лишь слегка изменив формулу: «Моя страна! И в правом, и в неправом!»

1905

Январь

Шестьдесят лет тому назад «оптимист» и «дурак» не были синонимами. Вот вам величайший переворот, больший, чем произвели наука и техника. Больших изменений за шестьдесят лет не происходило с сотворения мира.

24 сентября

8 часов утра. Чудный сон. Почти наяву. Ливи. Беседовал с ней две или три минуты. Я несколько раз повторил: «Но ведь это только сон, только сон!»

Она, казалось, не поняла моих слов.

notes

Примечания

1

Ангел — поселок старателей.

2

Эта запись относится ко времени, когда Марк Твен был золотоискателем в Калифорнии.

3

Старатель, друг Твена.

4

Сюжетный набросок рассказа Твена «Знаменитая скачущая лягушка из Калавераса». Публикация рассказа принесла начинающему писателю широкую известность.

5

Твен путешествует из Сан-Франциско на Гавайские (Сандвичевы) острова.

6

Теннессийские земли — участок в 75 тысяч акров на востоке штата Теннесси, которым владела семья Твенов.

7

Запись сделана по пути из Гонолулу в Сан-Франциско.

8

Более двух метров.

9

Твен на пути в Нью-Йорк.

10

Прототип героя рассказа Твена «Путешествие капитана Стормфилда в рай».

11

Туземное население Гавайских островов.

12

Правый борт по ходу судна.

13

Путешествуя на пароходе «Квакер-Сити» по странам Средиземного и Черного морей в качестве корреспондента газеты «Нью-Йорк трибюн», Марк Твен приплыл в Севастополь в августе 1867 г. Твен побывал также в Одессе и Ялте. Это путешествие описано в книге «Простаки за границей» (1869).

14

Имеется в виду Ливадия — летняя резиденция российского императора.

15

Обращение американских путешественников к императору, написанное Твеном. Опубликовано в «Одесском вестнике».

16

Во время Гражданской войны между Севером и Югом Россия занимала сторону северян.

17

Великий князь Михаил — четвертый сын Николая I, наместник Кавказа.

18

Храм афинского Акрополя, построенный в конце V в. до н. э.

19

Наименование Оттоманской империи (Турции), распространенное в европейской литературе средневековья и Нового времени. Порта — букв. врата, дверь.

20

Запись сделана в Вашингтоне, где Твен служил секретарем сенатора от Калифорнии.

21

Демиджон — оплетенная бутыль.

22

Улисс Симпсон Грант (1822–1885) — американский генерал; в годы Гражданской войны 1861–1865 гг. главнокомандующий армией Севера.

23

В этой заметке и последующих (до 23 ноября) Твен описывает поездку на Бермудские острова, предпринятую им в мае 1877 г.

24

Краткое изложение фабулы повести «Принц и нищий», опубликованной в 1882 г.

25

Дайон Бусико (1820–1890) — ирландский актер, драматург, предприниматель. Жил в США с 1853 г.

26

Ричард Генри Дана (1815–1882) — американский юрист и литератор. Получив назначение на дипломатический пост, не был утвержден Сенатом.

27

Джеймс Нокс Полк (1795–1849) — 11-й президент США (1845–1849).

28

Джон Тайлер (1790–1862) — 10-й президент США (1841–1845). Франклин Пирс (1804–1869) — 14-й президент США (1853–1857).

29

Сэмюел Тилден (1814–1886) — кандидат в президенты США от демократической партии на выборах 1876 г.

30

Конгрегационалисты — в англоязычных странах приверженцы кальвинизма.

31

Заметки 1878–1879 гг. описывают путешествие Твена по Западной Европе. С апреля 1878 по сентябрь 1879 г. писатель побывал в Германии, Швейцарии, Италии, Франции и Англии. Результатом этой поездки явилась книга «Пешком по Европе».

32

Мафусаил — библейский патриарх, живший долее всех людей — 969 лет.

33

Господи помилуй! (нем.)

34

Имеются в виду мемуары итальянского скульптора Бенвенуто Челлини (1500–1571).

35

Самая известная статуя работы Челлини.

36

Санта-Кроче — церковь во Флоренции, сооруженная в XIII–XV вв.

37

Палаццо Питти — самый монументальный среди флорентийских дворцов; построен в 1440 г.

38

Пилат — горная возвышенность в Швейцарских Альпах. Согласно преданиям, каждый год в Великую пятницу здесь появляется призрак прокуратора, давшего согласие на распятие Иисуса Христа.

39

Выставка картин

40

Хьялнар Бойсен (1848–1895) — американский писатель и ученый-филолог; переводил на английский язык произведения И.С.Тургенева.

41

Джон Мотли (1814–1877) — американский историк. Уильям Дин Гоуэлс (1837–1920) — американский прозаик и критик, друг Твена. Натаниэл Готорн (1804–1864) — американский писатель. Оливер Уэнделл Холмс (1809–1894) — американский поэт и эссеист.

42

Твен в США.

43

Ливи — Оливия, жена М.Твена.

44

Эта и последующие записи 1882 г. — о поездке Твена по Миссисипи.

45

Плоский срез кормы судна.

Хищные птицы семейства ястребиных

47

Городок, где прошли детские и юношеские годы Твена.

48

Джон Браун (1810–1882) — английский врач и литератор.

49

Падди Райен (1831–1911) — католический епископ, американец ирландского происхождения.

50

Стормфилд — герой рассказа Твена «Путешествие капитана Стормфилда в рай».

51

Джонатан Эдвардс (1703–1758) — американский богослов. Жан Кальвин (1509–1564) — деятель Реформации, основатель одного из течений протестантизма, названного по его имени, — кальвинизм. Ричард Бэкстер (1615–1691) — английский теолог.

52

Жена М.Твена.

53

«Смерть Артура» — название романа английского писателя Томаса Мэлори (1395–1471), утвердившееся в литературной традиции. Авторское название произведения — «Полная книга о короле Артуре и его рыцарях Круглого стола».

54

Эта и последующие записи 1888 г. — заметки к роману «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» (1889).

55

Уильям Пенн (1644–1718) — английский квакер и колонист, основатель колонии в Северной Америке, получившей название Пенсильвания.

56

Заметки 1892–1895 гг. (до обозначенной пометкой «Канада») — о пребывании Твена в Европе (Германия, Италия, Англия, Франция), где писатель прожил несколько лет.

57

Теодор Моммзен (1817–1903) — немецкий историк античности, автор «Истории Рима».

58

Область на юге Италии.

59

«Векфильдский священник» — роман английского писателя Оливера Голдсмита (1728–1774).

60

Роберт Ингерсолл (1833–1899) — американский публицист.

61

Эта и последующие записи, вплоть до записи 24 октября 1896 г., — заметки о кругосветном путешествии, в которое Твен отправился, чтобы гонорарами за выступления оплатить долги. Поездка продолжалась с июля 1895 г. по июль 1896 г. по маршруту: Канада — Австралия — Новая Зеландия — Цейлон — Индия — Южная Африка — Англия — США.

62

Джайны — последователи джайнизма, индуистской религии.

63

Джон Леббок (1834–1913) — английский археолог и биолог.

64

Томас Маколей (1800–1859) — английский историк и публицист.

65

«Убийство на улице Морг» — новелла Э.По.

Роберт Браунинг (1812–1889) — английский поэт.

67

Генри Ирвинг (1838–1905) — английский актер и режиссер, руководитель театра «Лицеум».

68

Запись сделана в Лондоне, где в июле 1896 г. завершилось кругосветное путешествие Твена.

69

Речь идет о массовом истреблении армянского населения в областях, которые после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. остались в составе Османской империи.

70

Сюзи — дочь Марка Твена. Умерла 18 августа 1896 г. в возрасте 25 лет.

71

Повесть Твена, написанная в 1894 г.

72

Лето 1897 г. Твен с семьей провел в Швейцарии. Осенью они переехали в Вену.

73

Отношение к Жанне д’Арк Твен выразил в книге «Личные воспоминания о Жанне д’Арк». Э.Золя, по словам Твена, был для него образцом писательской прямоты.

Орион — старший брат М.Твена.

75

Сюжетный мотив незавершенной повести Твена «Школьный холм».

76

Степень доктора права Твену присвоил Миссурийский университет.

77

Граф Льюис Хамон (1866–1936), известный под именем Чейро, был одним из самых знаменитых предсказателей своего времени. Твен, пораженный его проницательностью, оставил такую запись в книге посетителей: «Чейро разоблачил мой характер с унизительной точностью. Мне не следовало бы признаваться, но я все еще взволнован, чтобы скрыть это».

Осенью 1903 г. Твен совершил поездку в Италию.

79

«Сельская честь» — опера итальянского композитора П.Масканьи (1863–1945). Интермеццо из «Сельской чести» — популярный музыкальный номер.

80

Жена Твена Оливия умерла во Флоренции 5 июня 1904 г.

81

Образы романа Р.Л.Стивенсона «Странная история доктора Джекиля и мистера Хайда» (1886).